

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

СВИДАНИЕ

От автора романа «Сестра»

ЛУИЗА ДЖЕНСЕН

Луиза Дженсен
Свидание
Серия «Психологический
триллер (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51565118
Свидание: [роман] / Луиза Дженсен: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-115097-6

Аннотация

Субботний вечер должен был стать для Элисон Тейлор особенным. Недавно расставшись с мужем, она наконец решила сделать шаг навстречу переменам и пойти на свидание с симпатичным незнакомцем...

...Но на следующий день жизнь Элисон круто меняется. Она просыпается дома. Одна. С кровью на руках и раной на голове. Без единого воспоминания о вчерашнем вечере. И с уверенностью, что случилось нечто ужасное. Что хуже всего – ее семья, близкие друзья кажутся ей абсолютно чужими. Кто эти люди? И есть ли среди них тот, кто пытается превратить ее жизнь в настоящий кошмар?...

Содержание

Воскресенье	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	28
Среда	34
Глава 5	34
Глава 6	48
Глава 7	49
Глава 8	57
Четверг	61
Глава 9	61
Глава 10	68
Глава 11	69
Глава 12	80
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Луиза Дженсен

Свидание

Роман

Louise Jensen

The date

© Louise Jensen, 2018

© Перевод. А. Юшенкова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

*Неважно, сколько тебе лет и какой ты
взрослый, всем нужна мама.*

Посвящается моей любимой маме

Как Филин и Киска в зеленом челне
Уплыли, расскажет любой.
Меда подводу и денег колоду
Они захватили с собой.

Филин смотрел на звезду в ночи,
И пел серенаду он:
«Ах, Душечка-Киска, ах, Киска моя,
Навеки в тебя я влюблен.
Навеки в тебя,

Навеки в тебя,
Навеки в тебя я влюблен!»

Подруга ему отвечала: «Порыв
Твой пылкий приятен мне!
С тобой под венец пойти наконец
Мечтаю я даже во сне».

И плыли они целый год и день
В страну, где растёт бонг-бонг.
Где в темном лесу с колечком в носу
Поросенок играет в маджонг.
С колечком в носу,
С колечком в носу
Поросенок играет в маджонг.

«О Свин разлюбезный, – просили они, —
Продай нам колечко свое!
Жениться нам нужно. Жить будем мы дружно,
Жить дружно мы будем вдвоем».

Свадьбу сыграли, и пир был у них,
Где ели сгущенку одну.
Танцевали они на краю земли
И смотрели ввысь, на луну.
На луну,
На луну,
И смотрели ввысь, на луну¹.

¹ Перевод с англ. А. Юшенковой.

Эдвард Лир

Воскресенье

Глава 1

Что-то не так.

Понимаю это, как только пробуждаюсь от вязкого, мутного забытья. Понимаю еще до того, как чувствую пульсацию в висках. И дело не в разочаровании, что рядом нет Мэтта, что я больше не живу в собственном доме и меня там не ждут. Голова гудит, в мыслях туман, перед глазами плывет.

Что-то не так.

Пахнет кислым. Запах, который я не сразу узнаю и поначалу решаю, что не одна в постели. Ужасное чувство, будто за мной наблюдают. Не любовно, как делал Мэтт, когда я открывала глаза, а он смотрел на меня, подперев голову рукой, словно я единственная женщина на свете. Мне страшно. По коже бегут мурашки. Зачем только я позволила Крисси и Джулс уговорить себя на свидание? Я не готова и до сих пор лелею крупицу надежды, что мой брак устоит. Всего-навсего в прошлом году мы с Мэттом решили завести ребенка. Воображаемое будущее укутало меня, точно одеяло, уютное и теплое. А потом Мэтт рывком сорвал мои грезы, и я осталась одна – онемевшая, в ледяном холоде.

Друзья, как и полагается, пришли на помощь и несколь-

ко недель назад, за бокалом вина, убедили меня создать профиль в приложении знакомств.

– Я замужем!

– Вы разошлись, – поправила Крисси, и это прозвучало как приговор, хотя ни я, ни Мэтт не заикались о разводе. – Тебе пойдет на пользу. Сидишь тут сиднем! Не трусь, ничего серьезного не предполагается. – Она сверкнула улыбкой. – Развеешься, поужинаешь, выпьешь. Никто тебя ни к чему не принуждает.

– Ага, например, создать профиль... – Я скорчила гримасу.

Джулс тем временем принялась зачитывать домашнюю страницу сайта «Наизнанку».

– «Мы не публикуем фото, пока не получим о человеке подробную информацию. Изнанка у нас чистая и красивая».

Джулс скривилась, точно ее сейчас вырвет, – она тоже мужчинами не интересуется, разъехала с мужем, как и я.

Крисси разведена. Бог знает почему я слушаю их советы. Все мы потерпели фиаско.

– Господи, это еще хуже, – проворчала я. – А если у парня голова квадратная?

– Когда ты последний раз видела парня с квадратной головой? – рассмеялась Крисси. – И вообще, я думала, тебе все равно.

– Да, все равно.

Так оно и было. Я машинально прокрутила страницу вниз.

– Что значит ВПЛ? Или ПБС?

Складывалось впечатление, что читаешь меню на незнакомом языке.

– «В поиске любви. Просто будь собой». – Крисси вскрыла пакет чипсов «Доритос», заглядывая мне через плечо. – Народ помешался на сокращениях. Держись подальше от ЖПЭР.

– Это что?

– «Живу на первом этаже у родителей». Посадит на цепь в подвале! – Крисси сняла крышку с банки мексиканского соуса.

– И тогда мы тебя больше не увидим. А раз так, можно я заберу твою сумку «Майкл Корс»? – пошутила Джулс. – Тебе она все равно без пользы.

Это правда. В первое Рождество с Мэттом я изобразила радость, когда потянула за ленту, развернула серебристую бумагу, такую же неестественно жесткую, как моя улыбка, и достала сумку, стоявшую больше, чем мой запас продуктов на месяц. Я крепко поцеловала Мэтта, погружаясь в притворство и размышляя, стоит ли сказать ему, почему мне так неловко принимать подарки. Из всех моих секретов этот – далеко не самый страшный.

– Я не могу пойти на свидание, – возразила я, имея в виду «не хочу».

– Ну что такого может случиться? – спросила Крисси, и, прежде чем я начну перечислять, добавила: – Вдруг встре-

тишь НИЗОЧ?

– Кого-кого? – Я накладывала на тортилью кусочки помидоров с болгарским перцем.

– Накачанный и загорелый с огромным...

– Угомонись!

Я со смехом наполнила бокалы. Мы устали в телефоны и следующие несколько часов обсуждали, что Энди, тридцати двух лет, «любит встречаться с новыми интересными людьми» («Трахает все, что двигается», – прокомментировала Крисси), а Льюис, тридцати пяти, не указал род занятий («Безработный», – заявила Джулс).

Я чуть дольше обычного изучала профиль мужчины, который любит домашнее жаркое, собак и рыбалку.

– Скукота! – объявила Крисси.

А мне показалось, что он нормальный. Нестрашный. Мысль о свидании с незнакомцем наводила ужас.

– По-моему, он добрый...

Джулс отобрала у меня телефон и послала ответ, хорошо зная, что я этого ни за что не сделаю. Мой новый образ одинокой женщины двадцати восьми лет обрел конкретные очертания.

Сейчас я очень жалею, что она это сделала. Крепко вцепляюсь в одеяло и пытаюсь не шевелиться. Притворяюсь спящей и вслушиваюсь, стараясь уловить движение или дыхание. Слышу только чириканье птицы за окном, очень громкое чириканье. Сколько я вчера выпила? Еще никогда так не

болела голова. Я была за рулем; думала, если ограничусь лимонадом, то сохраню спокойствие и не наделаю глупостей. Мимолетно задаюсь вопросом, где оставила машину. Около «Призмы»? Все перепуталось. Я выбрала «Призму», решив, что бар в центре города – по крайней мере, очень людное место. Хотя не совсем в моем вкусе. Я бы предпочла сельский паб, но лучше обойтись без намеков на романтику. С трудом сглатываю. Горло саднит, и, когда я надавливаю пальцами на шею, больно, как от синяков.

Несмотря на мягкость древнего матраса, который просел под моей тяжестью, ноет плечо. Легонько трогаю его, ощущая кончиками пальцев шероховатость и липкость. С трудом разлепляю ресницы, которые склеились от туши. Сквозь занавески пробивается солнечный луч, и гостевую комнату в доме Крисси, куда я переехала после расставания с Мэттом, заливают мягкое янтарное сияние.

Я сажусь, и голова у меня словно взрывается. Осторожно касаюсь рукой. Шишка. Я что, упала? Вполне возможно. Я всегда была неуклюжей, так и не научилась толком ходить на каблуках. Бережно трогаю ушиб. Волнами накатывает тошнота, кажется, что я падаю. Быстро опускаю руки, чтобы удержать равновесие, и замечаю...

Они красные!

Поднимаю ладони к глазам, изучаю их, точно вижу впервые, и медленно переворачиваю. Пальцы в крови, вокруг ногтей запеклась бордовая корка. Наверное, от раны на голо-

ве. Неудивительно, что мне так паршиво. Взгляд скользит по запястьям, и я с тревогой обнаруживаю небольшие круглые отметины. Трогаю правое предплечье. Четыре синяка от четырех пальцев? По размеру они крупнее моих, и, перевернув руку, я нахожу еще один, от большого пальца. Меня удерживали силой. Становится страшно. Оглядываюсь, убеждаясь, что я в комнате одна. Почему я ничего не помню?

Откидываю одеяло и опускаю ноги, как будто собираюсь сбежать. Я пошевелилась слишком быстро. Кажется, матрас подо мной колыхнется. Закрываю глаза и жду, пока пройдет слабость. В голове работает отбойный молоток. Медленно окидываю взглядом комнату, ища среди своих скудных пожитков что-то необычное. Одежда раскидана. Лифчик болтается на ручке платяного шкафа, колготки скомканы под стулом, на котором кучей навалено белье для стирки. В комнате бардак, но это нормально. Никаких признаков посторонних, на соседней подушке нет характерных вмятин. Провожу рукой по простыне. Холодная.

Шарю по тумбочке, куда – независимо от степени подпития – неизменно бросаю телефон. Обычная мешанина: монетки, носовые платки, журнал «Мари Клер», «Самоучитель по свиданиям» из серии «Божья коровка для взрослых», который мне купила Крисси, – книжка должна была меня повеселить, но кое-какие страницы заставили проливать слезы... А телефона нет. Где сумка? На стуле не вижу. Аккуратно встаю, но даже при моей черепашной скорости комната кре-

нится, пол уходит из-под ног, я спотыкаюсь и тяжело падаю. Наворачиваются слезы. Сажу, потирая ссадины на коленях.

Тянусь вперед, чтобы собрать вчерашнюю одежду. Теплое зимнее пальто – мокрое и перепачканное. По крайней мере, это объясняет кислый запах. Бутылочно-зеленое платье без бретелек порвано по шву. Кремовый шарф забрызган грязью; перчатки того же цвета исчезли, как и черные туфли-шпильки с серебристыми бантами. Раскручиваю колготки – затяжки и дыры. Слезы текут ручьем, я рыдаю навзрыд и не могу остановиться.

Что произошло? Почему я ничего не помню? Вопрос крутится в голове, и я тут же предполагаю худшее. Меня изнасиловал мужчина, с которым я познакомилась через интернет? По-моему, у меня все-таки не было секса, добровольного или принудительного. Я бы чувствовала.

Так ведь?

Этот вопрос ошеломляет. Изнутри поднимается желчь, горло щиплет, рот наполняется слюной. Едва успеваю добежать до ванной и забрызгиваю унитаз рвотой. Малейшее движение отдается болью в голове, мышцы живота сокращаются от спазмов. Наконец худшее позади. Сидя на коленях, выпрямляюсь, отрываю кусок туалетной бумаги и вытираю рот.

Меня трясет. Я дрожу так сильно, что стучат зубы. Кафель ванной леденит босые ноги. Поднимаюсь. У меня как будто совсем нет костей. Парализованная страхом, на секунду за-

мираю, вспоминая вчерашний вечер, однако в памяти не сохранилось ничего, кроме мигающих огней и буханья басов. Бессильно склоняю голову, словно она слишком тяжелая для шеи. Такая слабость, что надо бы лечь, но отвратительный вкус во рту и желание почистить зубы гонят к раковине. Протягиваю руку за зубной щеткой и задумываюсь, не уничтожу ли улики. Какие улики? Вопрос холодный и острый, я гоню его прочь, однако язвительный голос у меня в голове не унимается. Я едва держусь. В надежде, что можно смыть эти болезненные мысли, открываю кран и подставляю дрожащие руки под прохладную струю. Она течет, сначала прозрачная, потом алая, смешанная с кровью, крутится водоворотом и с бульканьем уходит в сливное отверстие. Под ногтями еще что-то темное. Грязь? Кровь? Инстинктивно хватаю щеточку для ногтей и чищу, пока они не становятся розовыми, но все равно чувствую себя грязной. Чистота. Я жажду чистоты. Отряхиваю руки, и мой взгляд скользит вверх, на зеркало.

Собственное отражение вызывает стремительный приступ паники, я отчаянно хватаю ртом воздух. Говорю себе, что это кошмарный сон.

Нет, не сон.

Глава 2

Не может быть.

Сглатывая вновь подступившую кислоту, я зажмуриваюсь и, чтобы успокоиться, делаю три глубоких вдоха, а потом от-
важиваюсь снова взглянуть в зеркало.

Ничего не изменилось.

Лицо, которое там отражается, не мое!

Такое просто невозможно.

Поворачиваю голову, смотрю, как колышутся длинные светлые волосы. Это я и не я. Черты лица – не мои.

Сон, конечно, сон. Разумом я понимаю – это невозможно. С другой стороны, у меня ни разу не было такого яркого сна. Слышу тарахтение машины за окном; ощущаю холодные капли воды, стекающие с пальцев; чувствую запах малинового жидкого мыла, с которым только что мыла руки. Это не наяву. Так не бывает.

Я жажду оказаться в своей уютной постели, забыться сном, темным и теплым, но не могу двинуться с места. Не могу оторвать глаз от отражения в зеркале, смотрю, как катятся слезы по чужим щекам. Медленно разжимаю пальцы и поднимаю дрожащую руку. Зеркальная я делает то же самое. Мои кости рассыпаются в прах, и я оседаю на пол.

Что происходит? Поджимая колени к груди, опускаю голову и раскачиваюсь взад-вперед, тщетно мечтая стряхнуть

с себя увиденное. Сколько времени прошло? Минуты? Часы? Замечаю холод и жесткость керамического пола, ломоту во всем теле. Думаю, Эли! Есть какое-то объяснение. Должно быть! Почти с облегчением прихожу к выводу, что вчера вечером меня одурманили. Подсыпали что-нибудь в коктейль. Ну, конечно! Отсюда и галлюцинации, и провал в памяти. Встаю, пол под ногами резко кренится. Ступаю медленно, как по канату, для равновесия расставив руки. На двери висит мой просторный сиреневый халат. Накидываю его и завязываю пояс. Ощущение уюта, против обыкновения, не возникает.

Может, Крисси восполнит пробелы? Неверными ногами иду по коридору к ее спальне. Дверь закрыта. Отчаянно желаю получить ответы на вопросы, беззвучно ее распахиваю.

В комнате никого. На тумбочке лежит коробка шоколадных конфет, которую она принесла домой несколько недель назад. На кровать брошен флакон духов «Марк Джейкобс» с крышкой-цветком. Туалетный столик завален косметикой, которой здесь больше, чем в парфюмерном магазине, и я смутно вспоминаю, как мы собирались вчера вечером под «Don't You Want Me» группы «The Human League». Крисси убеждала меня вылезти из любимых джинсов.

«Вот это – классное! – Она приложила к себе зеленое платье, свободной рукой поглаживая ткань. – Раз ты сегодня не в нем, можно я снова его поношу?»

«Если в джинсах нельзя идти, то мне и надеть-то нечего.

Платья почти все остались дома».

Я познакомилась с Крисси полгода назад, в спортзале. С ней было так легко, что мы быстро перешли от пирожных после тренировок к душевным разговорам. Мэтт все больше злился на мои тщетные попытки склеить отношения, и я, устав от вечной ругани, неохотно переехала к Крисси, чтобы дать нам обоим вздохнуть свободно. Взяла с собой лишь самое необходимое, надеясь, что время исправит размолвку. Получилось наоборот.

Я вошла в платье, приклеила к лицу улыбку, нанесла на губы розовый блеск. Ждала, пока Крисси покрасит мне ногти в цвет фуксии, и старалась не думать о Мэтте.

Постель смята и завалена одеждой, которую она вчера вечером примеряла и тут же забраковывала. Свидание, конечно, мое, но она шла тоже, чтобы за мной приглядеть. Защитить. Видимо, не вышло... И домой она не вернулась.

Где она? Всерьез беспокоюсь. Притворяться, что вчера ничего не произошло, бесполезно. Ощущение такое, будто я рухнула и разбилась вдребезги.

Снова подкатывает тошнота, паника бьет, точно удар в живот. Вспоминаю окровавленные руки и рану на голове. Мысли путаются, комната ходит ходуном. Мир больше меня не держит, я падаю на кровать и сворачиваюсь калачиком, желая прогнать воспоминания, которые накатывают и отступают, словно морские волны. Голоса, крики, бесформенные тени. Прошлая ночь тянет ко мне костлявые пальцы и ку-

да-то тащит. Я вырываюсь и кричу. Страх вернулся, он ошеломляюще реален. Обхватываю себя руками.

В дом стучат. Туманные образы в сознании бледнеют, сердце тревожно екает. Бренуэлл, мой пес, принимается лаять. Он до сих пор заперт в кухне. Наверно, удивляется. Обычно, едва проснувшись, я выпускаю его в сад и, пока закипает чайник, гляжу в окно, как он носится кругами, тревожно обнюхивая границы.

Теперь в дверь звонят.

Я медленно встаю. От мысли, что не помню подробности прошлой ночи, становится жутко стыдно. Чувствую себя грязной, оскверненной. Не хочу, чтобы кто-то посмотрел на меня и сразу понял, что произошло, когда я сама ничего не понимаю. Хотя вдруг это Крисси? Она часто забывает ключи, а обходить дом, чтобы достать запасные, ей лень. Надо посмотреть.

Медленно, неохотно спускаюсь вниз. Каждый шаг усиливает острую боль в голове. Шторка на маленьком окне у двери опущена, однако я все же различаю смутный силуэт. Слишком высок для Крисси. Это он? Мужчина, с которым я ходила вчера на свидание? Итан? Или как его там... Кажется, Юэн. Точно, Юэн. Тщетно пытаюсь вспомнить его лицо, но внимание сосредоточено на темной размытой фигуре за стеклом.

Кожу щиплет от пота. Мне очень страшно. Обхватываю

себя руками и морщусь, задевая синяки. Не открою. Снова стучат, уже разъяренно. Я стою как статуя, едва дыша. *Уходи. Уходи. Уходи.* Откашливаются. Голос низкий и громкий, мужской. Потом тишина и свет – тень исчезает. На секунду я решаю: он ушел. Время тянется бесконечно. Слышу металлическое позвякивание. Ключ царапает замок. Застываю в ужасе, вспоминая, что исчезла моя сумка, в которой были ключи, кошелек и документы. Он вернулся, чтобы снова надо мной издеваться? Чтобы я замолчала навсегда?

Ручка поворачивается. Все до единого нервные окончания моего тела побуждают меня бежать, но я не в силах оторвать взгляд от двери. Она приоткрывается. Коричневый ботинок ступает на коврик с надписью «Добро пожаловать». Нога в джинсах. Он в моем доме. Незнакомец. Из горла непроизвольно вырывается крик, резкий и громкий, и я наконец стряхиваю оцепенение.

Ломота в теле и пульсация в голове тают, по жилам разливается адреналин. Мои босые ноги шлепают по ламинату. Влетаю в кухню и захлопываю дверь. Навстречу мне радостно бросается Бренуэлл. Он встает на задние лапы, упирая передние мне в колени, и лижет шершавым языком руку, точно мы не виделись целый год. Мы с Мэттом часто шутили, что, если в дом заберутся воры, Бренуэлл залижет их до смерти. Сейчас не смешно. С запозданием понимаю: надо было бежать в ванную, где можно запереться, или в гостиную – там проводной телефон. Куда угодно, только не в

крошечную кухню.

Здесь негде спрятаться.

Шаги приближаются, громкие и решительные. Мой взгляд мечется между подставкой для ножей на кухонной стойке и дверью в сад. Взвешиваю, что быстрее. Дверная ручка со скрипом поворачивается. Я инстинктивно бросаюсь к ножу. Стальное лезвие вспыхивает в лучах слабого зимнего солнца, пробивающихся из-под роликовой шторы.

Круглые ручки на духовке, к которой я в панике прижалась, вдавливаются в поясницу; поры тела источают страх. Мужчина заходит. Моя рука так дрожит, что нож со звоном падает. С губ у меня срывается крик, я оседаю на пол. Нож под столом. Сперва кажется, что слишком далеко, но я все-таки дотягиваюсь и крепко сжимаю рукоять. Забавно – несмотря на все происходящее, я замечаю под духовкой почерневший кусок жареной картошки и пытаюсь вспомнить, когда в последний раз мыла полы.

– Эли! – произносит незнакомец.

– Бен!

Услышав голос брата, я вскакиваю и стукаюсь головой о стол. От боли рябит в глазах.

– Бен, – слабо повторяю я, – здесь какой-то человек...

Опускаю руку с ножом. Ко мне возвращается зрение. Но брата я не вижу. Ко мне тянет руки незнакомый человек.

Нет!

Он хватается меня за руку. Я со слезами вырываюсь, однако

он держит крепко.

– Эли!

Окончательно запутавшись, поднимаю взгляд. Голос Бена, моего брата. И очки Бена в серебристой оправе. А лицо – не его.

– Это же я, Кошечка!

Никто, кроме него, так меня не зовет, но я все равно сомневаюсь.

Чужое лицо.

– Здесь больше никого нет.

Он говорит мягко, как в детстве, когда сворачивался у меня на коленях и просил снова почитать ему «Филина и Киску». Это давало хоть какое-то ощущение нормальности. Мы оба не могли поверить, что нашу семью постигла трагедия.

Происходящее теперь – полная бессмыслица, как и то стихотворение. Бренуэлл ставит лапы на незнакомца и виляет хвостом. Сдержанного рокота, который обычно раздается у него в груди при встрече с чужими, не слышно. В самом деле Бен? Кухня качается, как будто я плыву в зеленом челне, с деньгами и медом. Бессмыслица. Полная чепуха.

Бен, которого я не узнаю, заговаривает опять. Его голос звучит издалека, словно из-за океана. На меня стремительно надвигается мрак, и я с радостью кидаюсь в его объятья.

Глава 3

Тошнота. Меня мотает на волнах несчастья и смятения, я плыву в океане на холодной стальной каталке. Линялые синие занавески, которые задернуты почти вплотную, не приглушают болтовню медсестер и хлопанье дверей, но этот шум – ничто по сравнению с саркастическим голосом в моей голове, который потешается: *сошла с ума, сошла с ума, сошла с ума*, и я не только его слушаю, я ему верю. Я отослала Бена купить что-нибудь съестное. Мы здесь уже несколько часов, и нет никаких признаков, что меня скоро отпустят. А еще, если честно, я не в силах смотреть на Бена.

В глазах жжет от скорби, точно в них швырнули песком. Я проплакала всю дорогу в больницу, скорчившись на пассажирском сиденье в машине Бена, прижимаясь к дверце и вцепившись в ручку, чтобы быть подальше от человека, у которого голос и манеры моего брата, но который все-таки, за исключением очков, совсем на него не похож. Раньше, когда мы куда-то ездили, часто пели под брит-поп, на котором он помешан. «Don't Look Back in Anger» группы «Oasis». Песня словно создана специально для нас.

Мы болтали о жизни, смеялись и порой погружались в болезненное молчание, когда оба вспоминали детство. Мы часто обретали успокоение в тишине; невысказанность становилась красноречивее слов. Говорить о том, что произошло,

до сих пор тяжело. Возможно, так будет всегда... Зато мы сблизились гораздо больше, чем обычные брат с сестрой.

Сегодня утром, однако, мы оба чувствовали себя напряженно. Я рыдала. Бен сострадательно коснулся моей руки, и я резко ее скинула, будто обжегшись, не в силах терпеть прикосновение человека, которого я не знаю. Остаток пути в больницу он явственно излучал обиду – мой младший брат; а ведь я всегда оберегала его.

В ушах шумело, словно море в ракушке. Я глядела в окно, стараясь сосредоточиться на мелочах: пестрых ведерках с совочками, выставленных около магазинов, чайках, что с криками пикировали за добычей, коричневом указателе «Парк развлечений». Впрочем, расшатанный деревянный настил, о который снизу плескали волны, скудный набор игровых автоматов с мигающими огоньками и игрушками за два пенса, которые надо подцепить металлическим щупом, и киоск, где продают мороженое в засохших вафельных стаканчиках, на развлечения никак не тянули... Однако лучше смотреть куда угодно, чем в лицо Бену. Всякий раз, как я вспоминала собственное отражение в зеркале, в груди нарастала тяжесть и сердце сжимало тисками.

– Что-то же ты должна помнить, Эли!

Он мне явно не верил. Мы стояли на перекрестке. Вдалеке виднелись скалы, где мы детьми играли в старом полуразрушенном доме, притворяясь, что он – наш. Воспоминания детства были гораздо отчетливей, нежели туман про-

шлой ночи. Я не могла сказать того, чего не знала. Мотор урчал, щека, прижатая к стеклу, вибрировала. Я кожей чувствовала, что Бен буравит меня взглядом, однако не обернулась.

– Я уже сказала: не помню.

Когда на кухне я пришла в сознание, Бен засыпал меня вопросами. Я ощущала его с трудом сдерживаемую ярость. На меня напали? Он опять и опять требовал ответов. Кто это сделал? Давай позвоним в полицию!

– Нет!

Мы переглянулись. Я не могла расшифровать выражение незнакомого лица. Бен был маленьким, когда приехала полиция, хотя наверняка помнит, как после этого все изменилось. Как вдребезги разбился наш мир. Даже теперь при виде полицейских мой желудок скручивается в узел.

– Наверно, упала в баре.

Мои ответы были отрывочными и туманными. Я показала шишку на голове и волосы с запекшейся кровью. Попыталась объяснить, что не узнаю ни его, ни своего лица. О подозрениях, что меня опоили и изнасиловали, умолчала. От одной только мысли об этом накатывал стыд. Сценарии, которые выдавал мозг, становились темнее и безумнее с каждой секундой. Как поведать брату о своих страхах? Слишком часто в прошлом люди смотрели на меня с сочувствием или отвращением. Я не могла бы вынести такое еще и от него.

В машине вопросы продолжились, и я разволновалась. Я

смотрела на тормозящий нас красный сигнал светофора, и внезапно в памяти что-то вспыхнуло. Несколько дней назад Крисси, игнорируя мои протесты, подлила мне красного вина и сунула его в мою неуверенную руку.

– Сомневаюсь насчет свидания, – пожаловалась я, послушно сжимая ножку бокала. – Я замужем. И хочу остаться замужем.

– Вот именно, *ты* хочешь, – ответила она с ударением на «ты» и замолчала, подбирая слова. – Брось, Эли. Развейся. Тебе пришлось нелегко. И не только из-за Мэтта...

Она посмотрела на меня так печально, что я не в первый раз пожалела о своей излишней откровенности. День рождения – трудное время для меня, и когда Крисси принесла в подарок торт, я расчувствовалась. От вина развязался язык. В тот момент мне казалось: я испытаю огромное облегчение, если с кем-то наконец поделюсь своей тайной. Лишь позже я задумалась, можно ли было ей доверять.

– Расслабишься, тебе не помешает. – Крисси похлопала меня по руке. – Что тут такого страшного?

Она одарила меня лучезарной улыбкой, морща веснушчатый носик, и я отпила вина, чтобы унять нервную дрожь.

– Страшно, – вздохнула я, не зная, чего боюсь больше: что мужчина мне понравится или что не понравится.

Она права. Жизнь продолжается. С Мэттом все кончено, и рано или поздно кто-то из нас найдет себе пару. Возможно, будет легче, если первой стану я.

Те страхи кажутся сейчас смехотворными, тонкими, как бумага. Несущественными. Я и не предполагала, что́ может произойти.

Спустила рукава пониже, чтобы скрыть фиолетовые синяки.

Колеса машины вращались все быстрее, унося нас вперед, и мое сердце галопом скакало наравне с ними. Когда мы свернули на парковку, я уже убедила себя, что у меня сердечный приступ. Я взмокла от пота и вцепилась в горловину свитера, силясь вдохнуть. Легкие горели. Бен покружил по стоянке, ища свободное место. Моя грудь тяжело вздымалась. *Задыхаюсь*. Внутри что-то кольнуло. Внезапно я поняла: так уже было, и, будто повторяя произошедшее, мои руки сомкнулись у меня на шее.

– К черту! – Бен со скрежетом затормозил на месте для инвалидов.

От слабости ноги у меня подкашивались. Я схватилась за брата. Двери отделения экстренной помощи с шумом разъехались, и меня затошнило от запаха обеззараживающего средства.

– Помогите! – крикнул Бен.

Пациенты в очереди повернули головы в нашу сторону, словно филины. Никто не двинулся с места. Бен полупронес-полупротащил меня к окошку регистратуры.

– Пройдите в приемное отделение, – произнесла медсестра и встала.

Мне измерили давление и пульс. Я дышала все так же сипло и тяжело.

Медсестра, шурша, раскрыла бумажный пакет.

– Дышите глубоко, медленно.

Пальцы, сжимающие мне ребра, ослабили хватку.

– Паническая атака. У вас раньше такое бывало?

Я отрицательно покачала головой, тут же об этом пожалев – в глазах зарябило.

– Как вас зовут, дорогая?

– Элисон Тейлор, – ответил за меня Бен, поправляя характерным движением очки на носу.

– Я сейчас вернусь.

Из двери потянуло приятным сквозняком. Минуту спустя дверь снова открылась.

– Я задам вам несколько вопросов.

Передо мной стояла другая медсестра с ручкой и бумагой в руках.

– Меня зовут Элисон Тейлор.

– Это я уже знаю. Вы мне только что сказали.

Еще и она... Я в ужасе распахнула глаза. *Ни капли не похожа на ту первую!* Пальцы снова впились в ребра. Очередной бумажный пакет у лица.

Пожалуйста. Я не хочу.

Пальцы у меня на горле, картинка сужается. Задыхаюсь. Голос, холодный и злой.

Сука.

Глава 4

Закрываю глаза. Боль оттого, что бедренная кость упирается в слишком тонкий матрас, постепенно стихает. Такое ощущение, что я здесь целую вечность, а еще только воскресенье. Я вымотана до предела. Когда с шумом открывается занавеска у кровати, даже поворот головы требует огромных усилий.

– Миссис Тейлор, – начинает врач, и я гадаю, тот ли это, которого я уже видела. – Ваш брат здесь?

– Пошел за кофе.

– Не хотите ничего мне сказать, пока мы одни?

– Нет. – Тереблю в руках край ветхой простыни. – Я упала.

– Да, вы говорили. А синяки на вашей руке – от того, что брат вас поднимал...

У доктора усталый голос, как будто он слышал подобное тысячи раз. Вероятно, так и есть. «Случайно налетела на дверь», «поскользнулась в ванной». Аргументы столь же неуклюжие, как, например, «отек на шее – из-за того, что я громко пела». Якобы лучшего вечера у меня не было за всю жизнь.

Пожалуйста. Не надо. Я не хочу.

– Почему нельзя заявить в полицию и выяснить, что произошло? – спросил Бен, когда я умоляла его солгать врачам и заполнить пробелы в моей сфабрикованной истории.

– Я просто хочу домой.

– Если у тебя сотрясение, одной оставаться нельзя.

Бен послал сообщение Крисси, узнать, как она, не упоминая мое состояние; я не хочу ее волновать. Она ответила, что ночует у мужчины. Я не удивилась. В последнее время она часто пропадала по вечерам. Извинилась, что вчера так меня и не нашла, решила, что я поехала домой с Юэном.

– В любом случае все позади. Я просто хочу забыть.

Бен понимает. Мы однажды уже поверили полиции, а нас обманули. Обещали, что все будет хорошо. Какое там... Не желаю снова переживать подобное. Не хочу, чтобы Бен опять через это проходил. Суд разрушил нашу семью. А еще, если честно, не хочу рисковать: полиция может допросить моих друзей, и тогда Мэтт узнает, что я ходила на свидание.

Однако голосок внутри нашептывает: если Юэн меня изнасиловал, то может снова на кого-нибудь напасть, и надо заявить полицию. С другой стороны, когда я регистрировалась в приложении знакомств, у меня не потребовали адрес, следовательно, у Юэна – тоже. Сомневаюсь, что полиция его вычислит.

– Брат сказал, вы упали, – снова заговаривает доктор. – Но вы не помните. Вам не кажется, что, возможно...

– Да, я упала, – категорично повторяю я.

Доктор вздыхает, и я чувствую, как от него волнами исходит неодобрение. Он начинает опять, резче.

– Ну если вы настаиваете... Подумал, вам будет интерес-

но узнать, что в моче у вас ничего не обнаружено. Наркотиков нет, хотя это не означает, что вы ничего не принимали. Рогипнол можно зафиксировать в течение семидесяти двух часов, гамма-гидроксибутират – двенадцати, но это примерные рамки. С того момента, когда вам могли что-то подмешать, прошло минимум двенадцать часов. Понимаете? Вдруг именно это было причиной вашего «падения»?

– А остальные анализы? Лица... Ваше лицо. Вы говорите, мы уже разговаривали. Я вас не помню.

Мои слова невнятны, в голосе – слезы.

– Как раз хотел сказать про КТ. Есть отдельные повреждения и кровоизлияние.

– О господи... – натягиваю простыню.

– Я показал снимок хирургам. Оперировать мы не будем. Есть некоторая патология в височной доле правого полушария, в затылочно-височной извилине.

Он делает паузу, будто это должно все прояснить.

– И что? – В моем голосе слышится истерика.

– Пока рано говорить, и я не могу ставить диагноз, миссис Тейлор. Затылочно-височная извилина координирует систему, которая отвечает за способность распознавать лица. Возможно, травма головы привела к потере этой способности. Скажем больше после МРТ.

Опять тяжело, словно меня придавило плитой. Душит непонятная медицинская терминология.

– Старайтесь не волноваться. – Берет мое запястье и ме-

рывает пульс.

– Но я поправлюсь? Это временно?

Корябает на бумажке что-то неразборчивое и отводит взгляд.

– Старайтесь не волноваться.

Меня оставили в стационаре для наблюдения и отдыха, и, по-моему, отчасти как любопытный случай. Сегодня после обеда вокруг моей кровати сгрудились интерны. Глазели, точно в паноптикуме. «В самом деле себя не узнаете?» «Серьезно? Если я уйду и вернусь через пять минут, вы меня не узнаете?» От стыда щеки у меня пошли розовыми пятнами. Несмотря на гудение в голове, синяки и боль в теле, я отчаянно хочу домой. Уже думаю о завтрашнем дне. Гадаю, кто заменит меня в доме престарелых. Я обожаю свою работу и своих подопечных: миссис Торн и ее безграничный запас шоколада с мятной начинкой, мистера Линтона с его каламбурами. Кто в обеденный перерыв объявит номера бинго, если я не приду?

Бен заталкивает в пакет одежду, в которой я приехала – больничный запах въелся в ткань, – и отправляется домой за моей пижамой и зубной щеткой. Я отворачиваюсь к стене, сжимаясь в комочек.

Наверное, я задремала, потому что следующее, что различаю, – скрип тележки на колесиках и звон посуды.

– Налетайте, Эли! – произносит голос с мягким уэльским

акцентом.

Я его уже слышала. Долю секунды внутри трепещет надежда. Быть может, худшее позади и кошмар этого бесконечного дня закончился? Поворачиваю ноющее тело. Медсестра с улыбкой продолжает:

– Печеный картофель с сыром и тушеная фасоль с салатиком – сразу станет легче. Как вы? Получше?

Страдальчески мотаю головой. Я не узнаю ее лица, только акцент.

– Все будет хорошо. Ваш брат скоро вернется, а в своей одежде всегда приятнее. Куда лучше, чем больничная роба с прорехой на заду. – Она неуклюже наливает мне воды.

Еда на тарелке холодная и неаппетитная. Мелкая картофелина с бледной кожурой, явно из микроволновки, не темная и зажаристая, как я люблю. Затверделый расплавившийся сыр, горка консервированной фасоли и несколько поникших листиков, имитирующих салат. Пищу я узнаю, но сомневаюсь в реальности того, что вижу.

В детстве мама раскладывала на бабушкином серебряном подносе мелкие вещицы, и мы их запоминали. Она называла это игрой бойскаутов. Накрывала поднос красным клетчатым полотенцем, и мы с Беном морщили лоб, считая по пальцам: точилка для карандашей, булавка, мандарин. Я ничего не забывала, память у меня всегда была отменная, а Бен помнил не то, что видел, а желаемое: шоколадный батончик, монетку в один фунт, карточку футболиста. Я часто специ-

ально путалась, чтобы он выиграл, однако всегда, всегда знала, что на самом деле лежит под кухонным полотенцем.

Сейчас я снова проверяю себя, закрывая лицо руками и медленно считая до десяти. Когда открываю глаза, накатывает облегчение. На тарелке по-прежнему печеная картошка, сыр и фасоль, и это хороший знак. То есть всякий раз, как я отворачиваюсь, меняются только лица. Если проблема в чем-то одном, ее легче решить, верно? Хватаюсь за эту мысль, вцепляюсь в нее как в драгоценный приз. Так держала когда-то десятицентовую монетку, полученную за второе место. Лучше верить, что способность распознавать лица все-таки вернется. Иначе, если Юэн напал на меня и снова придет, я его не узнаю.

И всю жизнь проведу в страхе.

Среда

Глава 5

Бен сидит слева. Сегодня он должен был ехать в Эдинбург. Он исполняет обязанности заместителя директора в маленькой, но стремительно растущей сети отелей. Хотя головная контора здесь, брат мотается в командировки по всей Великобритании.

– Не хочу, чтобы у тебя были неприятности.

– Ты думаешь, я брошу тебя в таком состоянии? Одну? – обиженно отвечает он.

Врач ограничил посещения членами семьи. Я слишком расстраиваюсь, когда не узнаю лица. Нас всего трое. Я сразу поняла, что войти в больницу для тети Айрис будет нелегко, и сказала ей не приезжать; тем не менее, хоть и глупо, я расстроилась, что она не приехала, и пытаюсь не вспоминать, как она подводила нас в прошлом. Мы были *детьми*. До сих пор рвется сердце... Бен – мой единственный посетитель, и я переживаю, что все легло на его плечи, и он чувствует, что обязан быть со мной днем и ночью. Он вымотан и раздражен. Пахнет ментолом – снова курит. В тяжелой ситуации он всегда берется за сигареты. Думаю, больничный запах навеивает на него воспоминания, хотя он был тогда совсем маленьким.

Джулс, моя лучшая и старинная подруга, и ее двоюродный брат Джеймс, с которым они живут в одном доме, прислали открытку и огромный красно-белый букет – он занимает на тумбочке столько места, что некуда поставить кувшин для воды. Еще здесь карточки от мистера Хендерсона, моего старого соседа, и Мэтта. Я сто раз перечитывала его записку, глядела на слово «целую», выведенное округлым почерком, и гадала, что он имел в виду.

Нервы на пределе. Сегодня я получу ответы на свои вопросы, и я рада, что Бен рядом.

Боковым зрением вижу, как он сжал руки на коленях, которые подрагивают под одному ему слышный ритм. Прямо передо мной, поворачиваясь туда-сюда в кресле, разместился доктор Сондерс, невропатолог, на которого я возлагаю надежды. Я не смотрю прямо ни на него, ни на Бена. Мой взгляд сосредоточен на столбе солнечного света, протянувшемся по крапчатому линолеуму.

– Эли ничего не помнит про ту ночь. Да, Эли? – переспрашивает Бен.

– Да.

Невозможность вспомнить обескураживает, хотя в каком-то смысле это облегчение. Однако всякий раз, как я задумываюсь, что же все-таки произошло, – а бывает это часто, – на шее у меня затягивается удавка паники. Ничего, доктор Сондерс меня подлечит, я вернусь домой, на работу, и станет легче.

– Ваша сестра при падении сильно ударилась головой.

Оба говорят так, будто меня здесь нет.

– Память вернется? – спрашивает Бен.

– Возможно, но без гарантии; если и да, не факт, что полностью. Вам еще очень повезло – церебральный шок вполне мог привести к летальному исходу.

Кресло снова поворачивается. Вправо, влево... Подавляю порыв схватиться за подлокотники и остановить его. Я больна, сердита, испугана. Какое уж тут везение? В голове снова стреляет. Сжимаю зубы.

– Мы уже обсуждали ваши КТ и МРТ. Есть основания полагать, что удар и необычное повреждение мозга привело к нарушению функционирования височной доли, отвечающей за распознавание лиц. Как следствие, вы никого не узнаете. Если не возражаете, я хочу провести еще несколько тестов, Эли. Оценку когнитивных способностей. Ничего сверхсложного.

Последнее, чего мне хочется, – это новые тесты, но чем скорее он поставит диагноз, тем скорее меня вылечит. Я киваю, и комната снова плывет от подступившей тошноты.

– Ты уверена? Ты такая бледная. – Бен пожимает мне руку, сплетая свои пальцы с моими.

Я благодарно улыбаюсь, однако улыбка тает, едва только вижу его чужое лицо: рот, нос, глаза. Высвобождаю руку и вытираю ладонь о халат.

Злость вспыхивает внезапно. Я вскакиваю и принимаюсь расхаживать по кабинету.

– Не могу! – Упираюсь ладонями и лбом в оконное стекло. От дыхания оно запотеваает, и я вытираю его скомканным бумажным платком, который давно зажат в руке. – Не понимаю, что со мной!

Последний час меня просили запоминать и узнавать лица. Не получается. Шариковая ручка доктора Сондерса царапает что-то в моей карте.

– Присядьте. Попробуем знаменитостей.

Я отрицательно мотаю головой, но все-таки сажусь. Какой у меня выбор? Доктор показывает первую фотографию. По причёске и растительности на лице я понимаю, что это мужчина, но, по-моему, я его раньше не видела.

– Ну же, Эли!

Раздражение Бена меня обижает.

– Я не специально.

– Его ты точно знаешь! Ты мечтала выйти за него замуж.

– Ченнинг Татум?

– Молодец, – хвалит доктор Сондерс.

Ручка опять царап-царап по бумаге.

Мы все понимаем, что я бы не угадала без подсказки Бена, и все-таки я позволяю себе порадоваться крохотной победе.

– Ну и напоследок...

По тону чувствую, что доктор Сондерс махнул на меня рукой.

Как я ни стараюсь, находить сходство и отличия во время следующего теста ничуть не легче, даже когда фотографии лежат рядом. Немного лучше дело идет с возрастом, полом и эмоциональным состоянием. Здесь я чувствую себя не так безнадежно. Уже начинаю ориентироваться по длине волос, бороде и украшениям.

– Все, это был последний тест. – Доктор Сондерс щелкает ручкой.

Я надеюсь, что перед началом лечения мне дадут отдохнуть; в глазах щиплет от усталости.

– Так что с ней? – спрашивает Бен.

– Еще пара моментов, и я скажу свое мнение. Я собираюсь оценить ваш коэффициент умственного развития, Эли.

– Вы считаете меня идиоткой?

Определенно, так я себя и чувствую. Просто не верится, что я не узнала Ченнинга Татума. Доктор Сондерс не отвечает.

Кажется, я провела в этой крошечной душевной комнате несколько дней. Доктор Сондерс сказал, что ему надо позвонить, и вышел. Я отхлебываю теплую воду из пластикового стаканчика. Бен опять проверяет телефон. Без своего я чувствую себя как без рук, а про новый совершенно не подумала – не до того было.

– Кстати, я поменял замки, – сообщает Бен. – Поискал твою сумку в спальне, но не нашел. Говоришь, ты ходила с

ней в ту ночь? Шоппер?

– Клатч.

– Ну да. В общем, решил, что лучше сменить замки. Просто так. Вряд ли кто-то попробует к тебе вломиться, – добавляет он, чтобы я не волновалась, однако по отрывистому тону ясно: сам он тоже беспокоится.

– Когда Крисси вернется, она не сможет вой...

– Я сообщил ей эсэмэской, что новый ключ у соседей, у Джулс. Не вспомнил код от твоего сейфа для ключей. Опять звонил Мэтт, спрашивал, как ты. Говорит, если он может чем-то по...

– Зачем ты отвел к нему Бренуэлла?

– Не могу же я взять его сюда! И потом, он наполовину пес Мэтта. Официально Мэтт все еще твой муж.

Слово «муж» потеряло свою остроту. Здесь у меня вдоволь времени на размышления, и о Мэтте я думала много. Хоть раньше и казалось, что все у нас совсем плохо, теперь же я невольно задаюсь вопросом, можно ли спасти брак. Шок от осознания собственной смертности привел к чувству бессилия, незащитности и отчаянному стремлению к стабильности. Жизнь внезапно показалась до невозможности драгоценной. И быстротечной.

– Мэтт знает, что я ходила на свидание?

– Он ничего не говорил.

Дверь распаивается, и мы замолкаем. Доктор Сондерс садится за стол. Я нервничаю.

– Эли, я сопоставил результаты анализов и тестов, включая МРТ и КТ. Помимо потери памяти, о которой мы уже говорили, могу с уверенностью сказать, что у вас прозопагнозия. Это первый случай в моей врачебной практике.

Улавливаю у него в голосе нотку удовольствия и, как ни глупо, чувствую ненависть, точно он во всем виноват.

– Что это? – спрашивает Бен.

– Мозг Эли больше не распознает черты. Она не сможет узнавать лица, даже близких и друзей.

– И часто такое бывает? Эта прозо... – Запинаюсь.

Как можно болеть болезнью, которую даже не выговариваешь?

– Про-зо-па-гнозия, – повторяет врач по слогам. – От греческого «проспон», что значит «лицо», и «агнозия» – «незнание». Иногда ее еще называют «слепота на лица».

Слово «слепота» наводит ужас. Я лихорадочно осматриваю комнату, впитывая обстановку: длинные коричневые листья и «усы» паучника на подоконнике в горшке, квадратные черные часы на стене, – успокаиваю себя, что я еще зрячая.

– Есть два вида прозопагнозии. Первый – врожденная, она распространена гораздо больше, чем думают. В Британии разной степенью слепоты на лица страдают примерно два процента населения, миллион двести тысяч человек. Многие об этом даже не подозревают, считая, что у них просто плохая память или что люди на самом деле слишком похожи. Например, если у них схожие прически. Часто это наслед-

ственное, хотя ген, отвечающий за прозопагнозию, до сих пор не выявлен. Что любопытно...

– То есть я такая родилась, но проявилось только сейчас? У родителей же этого не было, да, Бен?

Он был слишком мал и плохо помнит папу, но все равно мы бы знали.

– Нет, Эли, у вас прозопагнозия приобретенная. Это бывает после инсульта или черепно-мозговой травмы. Встречается значительно реже врожденной. Анализы показали патологию затылочно-височной извилины правого полушария, что вполне соответствует вашей травме. Повреждение данной области может вызвать два подтипа заболевания: апперцептивная прозопагнозия и ассоциативная...

– И когда все пройдет? – перебиваю я.

Это единственное, что меня сейчас интересует.

Воцаряется неловкое молчание. Кресло со скрипом поворачивается. Туда-сюда. Доктор щелкает ручкой.

– Вероятно, никогда. Сожалею.

Голос звучит издали, как из огромной трубы.

Я не в состоянии переварить услышанное. Отхлебываю воды и сжимаю стаканчик, вода течет на колени, но я не способна встать и дойти до подоконника, где стоит коробка «Клинекса». Слова доктора пригвоздили меня к месту.

– Значит, Эли не будет никого узнавать? Безумие какое-то! В голове не укладывается...

– Да, здоровому человеку трудно понять. Распознавание

черт – настолько автоматический процесс, что многие даже не представляют, как слепота на лица вообще возможна. Я участвовал в исследованиях, когда пациенты приходили с семьями, и мы просили родственников поменяться одеждой и молча стоять в комнате с группой чужих людей, а пациентов – показать нам своих близких. Сердце рвется, когда видишь, как они страдают от того, что у них не получается. Дети не узнают родителей, жены – мужей. Особенно трудно идентифицировать мужчин – за исключением черт лица, они часто очень похожи: короткая стрижка, повседневная одежда. Вы не раз столкнетесь с равнодушием и непониманием, Эли. Лучшее в данной ситуации – терпеливо объяснять. Будьте честными. Не стыдитесь.

Стыд. Да, я стыжусь.

– Должно же быть какое-то средство!

В голосе Бена звучит мольба, которую я не слышала много лет. Тем же тоном он просил меня прочитать еще одно бессмысленное стихотворение, которые он обожал.

*И плыли они целый год и день
В страну, где растет бонг-бонг.*

Мне это снится, да, снится, потому что если это правда, я не выдержу.

– Разумеется, кое-что можно сделать... – начинает доктор.

Я оживляюсь, шарик надежды надувается и тут же сникает, когда Сондерс говорит:

– Есть множество компенсаторных приемов, которые помогают в повседневной жизни.

Слова сливаются в одно сплошное месиво. Навсегда. Это навсегда. Я не выдержу. Доктор отвечает на вопросы Бена и одновременно печатает. С жужжанием просыпается принтер.

– Я связался с университетом в Стоунхилле. Слышали про такой?

Киваю. Это здесь, в городе, в часе езды от дома.

– Они тесно сотрудничают с Национальным центром неврологии и нейробиологии в Лондоне. Вы будете в надежных руках. Исследовательской программой руководит доктор Уилкоккс. Я только что с ним переговорил, и он очень хочет с вами встретиться. Они проводят клиническое исследование с использованием транскраниальной магнитной стимуляции. Не исключено, что это частично восстановит утраченную функцию. Но это уже вне моей компетенции, – быстро добавляет он, предвзяв вопросы. – Скоро он сам вам напишет и назначит встречу. А пока выслал дополнительную информацию и перечень компенсаторных приемов. Я вас выписываю. Наверное, рады, что наконец...

– Постойте! Я больше никогда никого не узнаю? Вы не можете просто отправить меня домой!

Видя ужас, страдание и слезы в моих глазах, доктор со-

чувственно добавляет:

— Вероятно, вы сможете узнать одного из тысячи. Да, это немного, но лучше, чем ничего. Только не слишком себя обнадёживайте, это не признак выздоровления. Понимаю, чресчур много всего сразу. С точки зрения физического состояния я больше ничем не могу вам помочь, а эмоционально... — Он откашливается. — Я все понимаю, вам тяжело, но другие пациенты ждут места. Вы знаете, какая в больницах напряженка. Простите. Мы с вами еще увидимся. Когда будете выходить, запишитесь на прием у моего секретаря. Вы работаете?

— Да, в доме престарелых. О господи! Как я буду различать пациентов? Я не буду... Не смогу...

— Пока отдыхайте и восстанавливайтесь. Я выпишу больничный на две недели и назначу обезболивающие для головы, а потом мы снова оценим, как вы... как вы со всем этим справляетесь. Договорились?

Он протягивает мне распечатанные страницы. Я цепляюсь за них, как утопающий за буюк. Доктор открывает дверь кабинета и бросает меня в беспокойные воды.

В палате переодеваюсь в то, что принес Бен: розовую летнюю юбку и не подходящий к ней цветастый оранжево-красный топ. Он вспомнил про лифчик и трусы, но забыл колготки и туфли, и, шагая в тапочках по зимней парковке, я вся дрожу от холода.

Еще только четыре часа, но сумерки уже высасывают свет дня. Мы едем. Я наклоняюсь на сиденье вперед, как будто так будет быстрее. Отчаянно мечтаю смыть с себя больничный запах и лечь в мягкую постель, которая пахнет кондиционером «Летний луг». Жажду окружить себя своими вещами, привычными и безопасными, пусть и в чужом доме. Мысли уносятся к Мэтту. Не могу поверить, что больше не узнаю мужчину, за которого вышла замуж. Память бережно хранит его образ: длинные черные ресницы, карие глаза. Губы, которые сначала при моем появлении изгибались в улыбке, а позже – вытягивались в тонкую прямую линию.

Бен глушит мотор и приоткрывает дверцу.

– Я бы хотела побыть одна.

Надо поесть, принять душ – и в постель.

Он колеблется.

– Раз ты настаиваешь... – Сует мне в руку новый ключ. – Ничего, если я завтра сметаюсь в Эдинбург? Деньги на объекте уплывают неизвестно куда. Надо выяснить, что происходит.

– Конечно, поезжай. Если мне что-то понадобится, Джеймс и Джулс – рядом. И Крисси наверняка скоро вернется. – Пауза. – Правда, Бен. От обезболивающих я совсем никакая. Скорее всего, целый день просплю.

– Обещай позвонить, если что-то будет надо или вернется память!

Киваю. Он наклоняется по традиции поцеловать меня в

щеку, однако я отстраняюсь. Края наших отношений стали острыми и неровными, появилась дистанция. Я знаю, несправедливо относиться к нему по-новому, ведь изменилась я, а не он, но ничего не могу поделать.

Тело налито свинцом. Я медленно бреду к дому, и, кажется, того и гляди уйду в землю под собственной тяжестью. В конце асфальтированной дорожки – тень моего ярко-желтого «Фиата 500». Смущаюсь при мысли, что вела машину в таком состоянии. Вдруг я кого-то сбила? Думать об этом нестерпимо.

У двери – букет розовых роз. Поднимаю их, и листья осыпаются, точно прах.

Вхожу и закрываю дверь ногой.

«Крисси!»

В нос бьет запах ванильного освежителя, но воздух спертый, как если бы сюда не заходили несколько дней. Значит, ее нет. В доме очень одиноко, но я слишком вымотана, чтобы сегодня идти за Бренуэллом. Сгребаю с коврика почту и бросаю на кухонный стол, сгружаю цветы в раковину. Письма в основном рекламные; есть несколько открыток от коллег по работе с пожеланием скорейшего выздоровления и, что очень трогательно, – от пациентов. Их почерк такой же шаткий, как походка. Вспоминая про цветы, копаюсь в ящике – надо подрезать кончики. Среди батареек, смятых чеков и пакетов для заморозки замечаю свои ключи. Очень странно. Обычно они или у меня в сумке, или на крючке у входной

двери. Если бы не цветы, я никогда бы их не нашла. Получается, Бен зря менял замки. Беру из раковины розы. По непонятной причине меня бросает в дрожь. Почти боюсь вскрывать маленький конверт, скотчем приклеенный к букету. На конверте от руки написано мое имя. Доставили не из цветочного магазина. Вытаскиваю плотную белую карточку, уголки которой украшены желтыми розами. Три слова. Всего три слова, жирные черные буквы.

Понравилось свидание, сука?

Глава 6

О Эли, как бы хотелось видеть твое лицо, когда ты читала карточку. Ты, наверно, решила, что кошмар закончился? Он только начинается. Мы еще повеселимся. То есть я повеселюсь. А ты? Ты будешь кричать.

Глава 7

Кто-то должен был видеть посыльного. Кидаюсь к соседям, хочу расспросить Джулс, в который раз радуясь, что Крисси сняла дом рядом с ней и ее братом Джеймсом. Это хорошее, единственное хорошее новшество, к которому привело наше с Мэттом расставание: возможность встретиться с друзьями и распить бутылку вина, не переживая о том, как вести машину или ловить такси.

Трезвоню в дверь. Пронизывающий ветер кусает мне нос и уши. Вечером обещали снег, звезды скрыты тучами. Обхватывая себя руками, я подпрыгиваю на цыпочках, чтобы окончательно не заledenеть.

Дверь распаивается. Мужчина. Я говорю себе, что бояться нечего, это всего-навсего Джеймс. Тем не менее упорно гляжу в пол. Хочу удержать в памяти его настоящий образ, а не смотреть на картинку, которую нарисует мозг. Сосредоточиваюсь на мелких царапинах на мысках его ботинок и выпаливаю:

– Кто-то оставил цветы у меня под дверью. Ты не видел?
– Эли! – восклицает он, как будто изменилась до неузнаваемости я, а не он. – Джулс нет дома, но ты заходи!

Джеймс – бухгалтер. Правда, однажды за бокалом вина признался, что ненавидит свою работу и копит деньги на яхту. Полагаю, чтобы сбежать от всего этого.

– Нет, спасибо.

Отчаянно грустно при мысли, что мне теперь так неуютно с людьми.

Раньше Джеймс был мне почти как брат. У нас одинаковые пристрастия в музыке, и он пару раз давал мне билеты на концерты кайфовых ребят, которые наскучили бы Мэтту до потери пульса.

– Цветы... – напоминаю я.

– Извини, никого не видел. Карточку не оставили?

На глаза у меня наворачиваются слезы.

– Тебе плохо?

Киваю.

– Ну да, разумеется, – спохватывается Джеймс.

Не знаю, что сказать.

– Можно взять ключ, который оставил Бен?

Хочу иметь запасной.

Джеймс возвращается несколько секунд спустя и вдавли-
вает холодный металл мне в ладонь.

– Очень жаль, что с тобой все это приключилось. Ты уже что-нибудь вспомнила?

– Нет.

Мои щеки пылают от стыда. Поворачиваюсь и ухожу. Он окликает меня срывающимся от волнения голосом, и я мед-
лю, однако слышно только, как скрипят и гнутся под ветром
деревья. Он не заговорит опять, а даже если бы заговорил,
никакие слова меня сейчас не утешат.

У Юэна есть мой адрес. Трижды проверяю, что заперла дверь. У него есть мой адрес. Разгоряченная кровь стремительно бежит по жилам. Из осторожности я не сообщала никакой личной информации, и встречались мы в людном месте. Наверно, он выследил меня в ту ночь. Что ему нужно?

Понравилось свидание, сука?

Я снова вчитываюсь в карточку, как будто могу трансформировать эти три слова во что-то другое. Хорошее что-то. «Скорее поправляйся, Эли» или «Я люблю тебя, Эли». Не помню, когда в последний раз это слышала. Переворачиваю карточку. Логотипа нет, так что взяться она могла откуда угодно. *Он был здесь.* Логика подсказывает вызвать полицию, а цинизм заставляет сомневаться в перспективности этой затеи. Анонимный букет могли купить в десятке супермаркетов. Вряд ли полиция бросится охранять меня круглые сутки из-за какого-то букета. Они не защитили нас в прошлом, когда от бесконечных и вполне серьезных угроз стыла кровь в жилах. Минуту раздумываю, не позвонить ли Бену, но он непременно захочет приехать, а ему перед долгой дорогой в Эдинбург надо выспаться. Если случится что-то еще, кому-нибудь скажу. Точно скажу.

Приторный запах роз меня душит. Хватаю их из раковины и, ежась, выхожу через заднюю дверь к мусорному контейнеру. Темно, хоть глаз выколи. За нашим участком начинается пустырь. Это одна из причин, почему Крисси сняла

здесь дом: лето в бикини, завтраки, которые готовятся в трусах и лифчике. Раньше я была в восторге от нашего уединенного, скрытого от любопытных глаз гнездышка, а теперь думаю только о том, как легко здесь спрятаться. Шорох. Наверно, ветер. Или еще что-то. Кто-то... Свалив цветы в почти полный бак – на прошлой неделе была очередь Крисси выставлять их на дорогу для мусоровоза, а у нее вылетело из головы, – я стремглав бросаюсь в дом. Захлопываю дверь и поворачиваю ключ. Сердце колотится, руки трясутся. В сотый раз проверяю, что дверь заперта.

Принимаю душ и влезаю в любимую красную клетчатую пижаму, надеясь, что она меня успокоит. Увы. Хотя я давно нормально не высыпалась и от обезболивающих в голове туман, все равно я на взводе. Решено: наскоро поужинаю – и в постель. На кухне игнорирую витающий в воздухе запах роз и включаю радио. Вздрагиваю от энергичной музыки восьмидесятых, которую обожает Крисси: «Take on Me» группы «A-ha». Повертев рукоятки, делаю потише и настраиваю на «Классик FM». «Времена года» Вивальди. Роюсь в шкафчиках и извлекаю консервную банку.

В микроволновке поворачивается тарелка с томатным супом «Хайнц». У задней двери одиноко стоит плетеная корзина Бренуэлла. Смятая красная подстилка вся в песке – после нашей последней прогулки по пляжу. Его любимая игрушечная обезьяна распластана на полу. Без глухого рыча-

ния Бренуэлла на лис в саду и стука когтей по кафелю в доме ужасно одиноко. На улице черным-черно. От кухонной подсветки окна превратились в зеркала. Вздрагиваю. Смотрю в сторону пустыря за забором, гадая, кто принес цветы. По шее от холода бегут мурашки.

Тяну за шнурок, и шторка опускается до уровня крана в раковине. Шторка с подсолнухами с самого начала была слишком короткой и не закрывала стекло полностью, но раньше я не придавала этому значения. Крисси понравился рисунок, «немножко солнца в мерзкую погоду». Теперь же я чувствую себя крайне неудобно – двухдюймового просвета вполне достаточно для пары глаз. Снова и снова проверяю ручку задней и парадной дверей и в довершение методично запираю все окна.

Тишину нарушает дзыньканье микроволновки. Хватаю кончиками пальцев горячую тарелку и быстро переставляю ее на поднос; режу хлеб, проверяя, не заплесневел ли. Беру еду и торопливо перехожу в гостиную, где занавески плотно задернуты.

Несмотря на тревогу, дома быть приятно. Усаживаюсь на диван. Убранство комнаты резко контрастирует с минималистическим дизайном моего собственного дома. У нас с Крисси совершенно разные вкусы. Однако сегодня вечером я рада нежно-розовым обоям с серыми голубками (они действуют успокаивающе) и сонму странных ангелов без лиц на полках. Распростерши крылья, они защищают невидимую паст-

ву. Свечи. Книги. В кои-то веки это создает уют, а не давит на нервы.

Зеваю. В больнице спала мало. Приглушенные разговоры сестер, скрип тележек, гул ночников – все это не останавливалось ни на минуту, хотя не спала я по другой причине. Стоило только переступить порог и вдохнуть больничный запах, нахлынули воспоминания. Врачи, конечно, помогают, лечат, но даже теперь они ассоциируются у меня с утратой. Форма медперсонала, почти как полицейская униформа, вызывает темный вихрь эмоций. Прошло много лет, а я так и не оправилась от случившегося. По крайней мере, не до конца.

Прихлебывая суп, направляю пульт на телевизор. Хочу найти что-нибудь легкое и отвлечься. Я пропустила последние серии мыльных опер. Начинается заставка «Жителей Ист-Энда», и мои плечи расслабляются. У нас с мамой была традиция: в любую погоду мы уютно устраивались на диване с пакетом ванильного печенья и кружкой горячего шоколада. Макали печенье в темную жидкость. Важно не передержать. Чуть зазеваешься – и печеньки кашей оседают на дно кружки. Бен в это время уже спал. Что бы ни произошло днем, как бы нас ни обижали, наш особенный вечерний ритуал оставался неизменным. Скучаю по нему. Скучаю по маме.

Вспоминаю, что было в последней серии. Звучный голос Фила Митчелла пронзает, точно копье; хлеб, который я макнула в суп, комом встает в горле. Я не узнаю актеров! Внезапно понимаю, как скажется прозопагнозия на всей моей жизни.

ни. Я сокрушена, раздавлена. Суп расплескивается по коленям, тело содрогается от рыданий, в тарелку капают слезы.

Когда доктор Сондерс рассказывал про мою болезнь, я не вполне оценила ее серьезность. Теперь, стоя перед телевизором на коленях точно в молитве и вода кончиками пальцев по лицам персонажей на экране, я сознаю, что кошмар становится реальным. Герои с Альберт-сквер мне почти как родные, семья, которую я потеряла. Я больше никогда их не узнаю? *Никого* никогда не узнаю? Друзья и родные навеки останутся незнакомцами. Страшно! Я и не подумала про телевизор, кино, театр... Выключаю экран. Тыкаю пальцем кнопку с такой силой, что диски с нижней полочки падают на пол.

Хотя мы в основном смотрим сериалы и фильмы, когда их показывают по ТВ, самые любимые я еще и покупаю на DVD. Коробка с «Друзьями». «Шаг вперед». «Девичник в Вегасе», наша палочка-выручалочка, если дела совсем плохи. Мы с Крисси смотрели его несчетное количество раз, передвигая между собой пакетик с шоколадным драже и разбавляя джин шипучим тоником. Живот болел от смеха.

Я не смогу пересматривать любимые фильмы и получать удовольствие от новых. Лица актеров станут неузнаваемыми, как только исчезнут из кадра. Я не просто потеряла персонажей любимых программ, я потеряла частицу себя, и хоть это нелогично, мне кажется, я опять теряю маму. Жизнь никогда не будет прежней. Я съеживаюсь, упираясь лбом в колени, и

рыдаю. Сердце разрывается. Мое сердце разрывается снова.

В саду позади дома слышится громкий треск, и страх тут же простирает надо мной свои крылья.

Царапанье. Какой-то зверь? Говорю себе, что это лиса. Будь здесь Бренуэлл, он бы поднял дыбом шерсть на загривке и глухо зарычал. Но его нет. Я совершенно одна и на смерть перепугана. В кухонном окне чернота. Если внезапно распахнуть заднюю дверь, животное испугается и убежит — если это животное.

Если.

Копаюсь в ящике со всякой мелочью, достаю из-под рекламки кафе и кухонных полотенец фонарик и быстро, через две ступеньки, поднимаюсь наверх. Настежь распахнув окно спальни, вожу лучом фонаря по саду. Замечаю на траве розы. Говорю себе, что ветер сбросил крышку с мусорного бака и раскидал букет, но даже отсюда видно, что головки цветов безжалостно оторваны.

Лиса. Рылась в поисках еды. Просто лиса.

Свечу на мусорный бак. Он не опрокинут. Крышка плотно закрыта.

Глава 8

Не могу успокоиться, обезглавленные розы так и стоят перед глазами. Идут часы, я без сна ворочаюсь на матрасе, который обнимает меня и, вздыхая, проседает под моим весом. Час поздний. Машины тарахтят реже, паб в конце улицы, наверно, уже закрылся. Вдалеке лает собака. Любые звуки слышны отчетливо и вспарывают тишину. Мои пальцы сминают одеяло. Ребенком я боялась монстров и накрывалась с головой. Синяки от чьих-то пальцев у меня на руках и еще не стихшая пульсация в шишке на голове напоминают, что чудовища существуют. Они ходят среди нас, выглядят как мы, разговаривают. Их не отличить от людей. В больнице я отчаянно рвалась домой, а теперь мечтаю о безопасности палаты, где постоянный фоновый шум напоминал, что я не одна. Виски болят и пульсируют. Представляю, как уставшая медсестра насыпает мне в руку обезболивающих и протягивает пластиковый стакан с теплой водой. По глупости я оставила ко-кодамол, который мне прописали, на кофейном столике в гостиной. Сажусь в постели. На улице ревет мотор. Яростно стучат дверцей. Скрип калитки. Это к нам? Может, Крисси раньше вернулась от своего мужчины? Парадная дверь не хлопает, но тут я вспоминаю про новый замок и воображаю, как Крисси досадливо закусывает губу, безрезультатно тыча в скважину ключом и думая, не ломится ли

она с перепоя в чужой дом.

Сую ноги в тапочки, накидываю халат и спускаюсь в темный коридор. Узкие полосы лунного света пробиваются сквозь жалюзи слева от двери.

Сдерживаю дыхание и, непонятно почему, боюсь зажечь свет, жалея, что не попросила Бена остаться на ночь. Правда, Джеймс и Джулс в соседнем доме. Все хорошо. Хорошо.

Шаркающие шаги. Бормотание.

– Крисси, ты? – спрашиваю я едва слышно.

Дергают дверную ручку. Я делаю шаг вперед и берусь за ключ, но вместо того, чтобы его повернуть, отхожу в сторону, поднимаю жалюзи и всматриваюсь в окно. К стеклу с той стороны прижимается лицо. Я потрясенно отшатываюсь. Смотрят на меня. Одно ясно: это не Крисси. Машинально понимаю: мужчина. В темноте не разберешь, но из-под вязаной шапки, какие носят рабочие, не видно длинных волос. Несколько секунд глядим друг на друга в упор. Кажется, проходит целая вечность.

Он поднимает руку в перчатке и стучит в стекло. Медленно, методично, снова и снова. Бум-бум-бум – удары сливаются с пульсацией у меня в голове. Я зажимаю уши и зажмуриваюсь, надеясь, что это галлюцинация, вызванная лекарствами, но когда открываю глаза, лицо все еще здесь.

Руки по-прежнему барабанят в окно.

Как в фильмах ужасов, которые любил Мэтт. Он крепко обнимал меня за плечи и целовал в макушку, а я при каж-

дой страшной сцене тыкалась лицом ему в грудь. Бросала в рот карамельный попкорн и шумно жевала, чтобы приглушить истошные вопли на экране. Сейчас это не фантазия. От дыхания незнакомца запотело стекло. Реальность, ужасная и пугающая. Будь это кино, я бы орала актрисе: «Да делай же что-нибудь! Беги!» Колени у меня слабеют, я медленно, с трудом отступаю по коридору, не в силах оторвать взгляд от окна, как будто если отведу глаза, оно рассыплется на осколки. Наверно, это он, Юэн.

Он не сможет открыть замок, говорю я себе, однако это не успокаивает мое истступленно колотящееся сердце, не осушает пот, который ручейками стекает между грудей. Внезапно меня охватывает желание позвонить в полицию. Шаря за спиной, я поворачиваю ручку в гостиную, пячусь, едва не падая, и зажигаю свет. Стационарный телефон, который мы провели ради интернета, стоит на этажерке с книгами. Хватаю трубку и дрожащей свободной рукой включаю настольную лампу. Она разгоняет мрак, но я по-прежнему целиком во власти страха. Томатный суп, который я ела на ужин, поднимается в горле, большой палец резко жмет кнопку вызова. Держу трубку около уха, а воображение рисует сцены из фильмов. Правда ли, что перерезать телефонную линию ничего не стоит? С неописуемым облегчением слышу гудок. Набираю первую девятку.

Удары стихают.

Вторая девятка.

Тишина кажется более звонкой, чем стук в стекло.

В нерешительности опускаю трубку и осторожно крадусь в коридор. Он ушел? Темно, не видно ни зги. Прижимаясь спиной к стене и замирая после каждого шага, медленно двигаюсь к двери.

Жду.

Прислушиваюсь.

Тихо. Только шум крови в ушах. Я уже у окна. Ощущение трубки в руке несколько успокаивает. Я неуклюже пригибаюсь, рассчитывая, что в тени меня не видно. Под подоконником на секунду замираю и собираюсь с духом. Поднимаю голову, дюйм за дюймом, пока глаза не упрутся в затуманенное стекло.

Мелькает тень.

Долю секунды я не в силах пошевелиться или дышать. Не в силах сделать ничего. На меня со всего маху обрушивается страх. Глаза замороженно следят за тенью. Нет, это ветви дерева. Всего-навсего дерево. С опаской встаю, приставляю ладони к глазам и вглядываюсь в темноту.

Никого.

Но это не значит, что он ушел.

Четверг

Глава 9

Полночь. Бой часов толкает меня на решительные действия. Желание узнать, ушел ли этот человек, перевешивает все остальное. Сжимая телефон в руке, я мечусь из комнаты в комнату, включая лампы, отдергивая занавески и поднимая жалюзи. Сад позади дома залит мягким лунным светом. Вдоль забора теснятся угрюмые тени деревьев. С парадной стороны улица прочерчена пунктиром фонарей. Недавно местные власти погасили их через один, и полутемное пространство между ними кажется огромным. Большинство окрестных домов накрыты сонной тишиной. Тот, кто колотил в мое окно, исчез. Вызывать полицию теперь бессмысленно, но я не хочу оставаться одна. Хватаю с подставки в кухне разделочный нож. Лезвие приветливо мерцает. Крадусь к парадной двери и беру за ключ с такой силой, что синеют пальцы, но повернуть его ради короткой перебежки к Джулс не могу. Выходить на улицу до рассвета слишком страшно. Я устраиваюсь на диване, твердо решая не спать. *На всякий случай.*

Резко вскидываю голову, точно марионетка, которую кукловод потянул за нить. Щурясь на свет, тыльной стороной ла-

дони вытираю рот. Думала, не усну, но все-таки на несколько часов задремала. Теперь кажется, что более одинокого времени, чем пять утра, просто не существует. Тихо. Ни шороха. Никто не стучит по стеклу. Меня трясет. Встаю. Колени подгибаются, как при крайней усталости. Чтобы сделать первый шаг, приходится собираться с силами. Сердце гулко стучит. Я выглядываю в каждое окно, ожидая, что с той стороны вот-вот возникнет незнакомое лицо. Нет, ничего не происходит. Бреду обратно в гостиную. Здесь жуткий холод, руки и ноги у меня ледяные. Я специально выключила отопление, чтобы не уснуть. Опустившись на колени, укладываю крест-накрест щепки и поленца на колосник дровяной печи и чиркаю спичкой. Пламя весело трепещет в знак приветствия, и мне уже не так одиноко.

Я немного приободряюсь, когда вспоминаю, что через несколько часов заберу Бренуэлла. Очень по нему соскучилась. Он маленький, но совершенно очаровательный. Я то и дело привожу его на работу, чтобы порадовать подопечных – некоторым больнее расстаться с питомцем, чем с домом. До чего приятно наблюдать восторг на лице миссис Томас, когда Бренуэлл устраивается у нее на коленях и она гладит его артритной рукой.

Освежитель с легким шипением выбрасывает в воздух ванильную струю, я от неожиданности вздрагиваю, оборачиваюсь и замечаю на книжном шкафу розовую коробку в цветок. Она притягивает меня, словно магнит, и хотя я сопро-

тивляюсь, хотя знаю, что это мучительно, все-таки достаю ее со шкафа и приподнимаю крышку.

Смотрю на то, что не хочу видеть. Глаза затуманиваются. Моя жизнь раскинулась передо мной веером глянцевых снимков шесть дюймов на четыре. Я лелеяла слабую надежду, что она, точно стеклянной перегородкой, разделилась надвое – лица из воспоминаний останутся неизменными, и болезнь затронет только настоящее и будущее. Я жестоко ошиблась. Наугад вытаскиваю из стопки снимок. Многие годы собиралась купить альбомы, как делала мама. Фотографии помогли мне выжить, когда ее не стало. Мы с Беном часами сидели, прильнув друг к другу и листая страницы прошлого. Делились воспоминаниями: жарко́е, шипящее в духовке по воскресеньям, золотисто-коричневые йоркширские пудинги. То, что мы не хотели забывать: теплое молоко перед сном, горячий шоколад, который мы помешивали до молочной пенки и пузырьков. Благодаря этим воспоминаниям краски в моей памяти не поблекли, в отличие от некоторых старых снимков в коробке. Моя мама никогда не станет черно-белой. Я бесконечно благодарна, что в те дни фотографии не хранили в облаке – запароленные, недоступные, навеки потерянные, как и человек, который с любовью их снимал. Наверно, поэтому я и распечатываю свои.

«Старомодно», – говаривал Мэтт, когда я поднимала с коврика перед дверью очередной пакет с фотографиями. «А теперь живо надевай фартук и марш на кухню, женщина!» –

шутил он, хлопая меня по мягкому месту.

Он всегда умел рассмешить, как никто.

На снимке у меня в руках мы смеемся. Не Мэтт: Крисси, Джулс и я. Тридцатилетие Джулс. Мы нарядились в ярко-розовые футболки, на которых толстыми черными буквами написаны наши имена. Мы с Крисси прислонились друг к другу головами, наши светлые пряди переплелись. Жаль, что ее нет рядом. Надо завтра купить телефон, чтобы быть на связи. Бен уже аннулировал мои банковские карты.

При мысли о Мэтте я роюсь в коробке. Щемление в груди не дает пальцам остановиться. Я знаю, что здесь есть парочка наших свадебных фотографий. Большинство из них до сих пор в том доме – я называю его «тот дом», поскольку уже не воспринимаю как «наш», однако не в состоянии назвать «домом Мэтта». Эти снимки крупнее остальных и вклеены в коричневый кожаный альбом с вставками из папиросной бумаги, которая оказалась прочнее моего ранимого сердца. Внимание привлекают цветы. Букет желтых роз у меня в руке, яркий, как лучистое солнце. Наших лиц не видно, и отчаянно хочется думать, что ничего не изменилось, хотя, разумеется, изменилось, и когда я изучаю снимок, меня захлестывают эмоции. На тротуаре ковром лежит пастельное конфетти, мы направляемся к машине с лентами, на бампере привязаны консервные банки. Рука Мэтта – у меня на спине. На краткий миг кажется, что я до сих пор ее чувствую, теплую и успокаивающую. Позже его пальцы расстегивали

молнию у меня на платье и снимали чулки. Я поднимаю коробку, с шумом втягиваю воздух и сердито бросаю ее на пол, как будто она виновата в случившемся.

От удара снимки сместились, и, собираясь захлопнуть крышку на коробке, я замечаю маму. И не только замечаю – я ее *узнаю*. Увидеть ее – все равно что наткнуться на бутылку воды в Сахаре. Мгновенное облегчение, прохладное и успокаивающее. Пью глазами ее лицо, улыбку. Она ничуть не изменилась. Отвожу взгляд и снова смотрю, как будто хочу сама себя подловить, но она не меняется. Это по-прежнему моя мама. Откапываю в коробке все ее фотографии и прислоняю их к телевизору, книгам на полках, засовываю в серебряные рамы с модными черно-белыми пейзажами, которые Крисси развесила по стенам. Куда ни повернись, везде мама. Глубоко внутри расправляет нежные крылья надежда, и я обхватываю себя руками, чтобы удержать ее в сердце. Хотя доктор Сондерс говорил, что я, возможно, узнаю одного из тысячи и не надо себя обнадеживать, все-таки есть шанс, пусть маленький, что мне становится лучше. Именно эта мысль, а не страх, одиночество или другие эмоции ночи, поддерживает меня до рассвета, когда солнце прогоняет тьму, чертя в небе лавандовые и розовые полосы. Мягкие оттенки сглаживают острые края ночных воспоминаний, и в конце концов я начинаю сомневаться, было ли что-то на самом деле. По мере того, как цвета дня становятся ярче и он набирает силу, я почему-то тоже становлюсь сильнее.

Бен звонит из машины по дороге в Эдинбург. Говорит по громкой связи. Я с трудом разбираю его слова из-за треска и шума. Заверяю, что я в порядке, хотя мы оба знаем – это ложь, и я обещаю позвонить, если он будет мне нужен.

– Я беспокоюсь, что ты там одна.

Отвечаю, что это ненадолго. В одиннадцать я заберу Бренуэлла.

Когда выхожу на улицу, Джеймс стоит босиком на пороге и расписывается за посылку.

– Доброе утро, Эли!

Не глядя, приветственно поднимаю руку и направляюсь с ключом наготове по лысоватому газону к своей машине.

– Ты ночью ничего не слышала? – кричит он.

Я замираю и оборачиваюсь.

– А что?

– Какой-то идиот ломился к нам в дверь часов в двенадцать. Разбудил.

– Наверно, пьяный. Нализался до бесчувствия. – Почтальон качает головой и смеется. – С кем не бывает. Чего еще ждать, когда на твоей улице паб?

Вздыхаю с облегчением. Значит, это был не Юэн, и я очень рада, что не вызвала полицию. Наверно, всем соседям помешали спать, как нам с Джеймсом. От этого легче верится, что это ветер ночью приподнял крышку мусорного бака и разметал букет. Ноги шагают по серо-коричневому асфальту

в такт мысли: *все позади, все позади, все позади*.

Я почти верю в это, проходя мимо шеренги деревьев, которые прошлой осенью устилали машину ковром листвы, однако вдруг замечаю, что боковое зеркало со стороны водителя потрескалось и жалобно скособочилось. Медленно приближаюсь. Перед глазами плывет, ибо я понимаю, что все далеко не позади. Все только начинается.

Я знаю это, потому что помятый бампер густо перепачкан кровью.

Глава 10

Смятение на твоём лице, когда ты смотришь на окровавленную машину, бесценно. Жаль, что я не читаю твои мысли. Ты правда ничегошеньки не помнишь, Эли?

Но я знаю, что ты сделала. И я за тобой слежу. Жду подходящего момента. Жду, когда ты взмолишься.

Ты все вспомнишь. Я об этом позабочусь. Память вернется к тебе, и когда это произойдет...

Ты очень пожалеешь, что она вернулась.

Глава 11

Я не могу погасить чувство паники, глядя на кровь, и, хотя не знаю, откуда она взялась, меня охватывает сильнейшее желание ее стереть. Джеймс прощается с почтальоном и закрывает дверь, а я бросаюсь в дом, набираю тазик горячей воды и добавляю в нее моющее средство. Оттираю машину, а в голове крутятся возможные объяснения. Я могла сбить оленя, они часто выходят ночью на дорогу среди скал. Это объяснило бы вмятину и кровь. Прижимаю руку к груди, чтобы унять колотящееся сердце.

Через сорок пять минут я подъезжаю на сверкающей машине к дому Мэтта. Моему дому. Паркуюсь задним ходом, чтобы вмятина была менее заметна. Устремляю взгляд к окну спальни. Занавески задернуты. Гадаю, встал ли он. По утрам Мэтт обычно сразу раздвигает их и подвязывает. «Раздвигал раньше», – поправляю сама себя. Я больше не знаю его привычек.

На ветровом стекле после мойки остались разводы. Смотрю в него, как мистер Хендерсон, сосед, катит по газону мусорный контейнер. Коричневые вельветовые домашние брюки выцвели на коленях, белая рубашка с одной стороны выбилась из пояса. Я уже учусь подмечать на окружающих одежду, а не черты.

Мистер Хендерсон – старожил улицы. В этом доме родились его сын и дочь, умерла от рака, не дожив до пятидесяти, жена. По-моему, он невероятно одинок. Ему нет шестидесяти, но он, видимо, не стремится к новым отношениям. Думаю, он более одинок, чем некоторые мои подопечные в доме престарелых, а им по меньшей мере на двадцать лет больше. Он психотерапевт, принимает у себя пациентов и читает лекции по психологии в местном университете. Когда мы сюда переехали, он часто окликал меня через забор в пятницу, когда я возвращалась вечером с работы, и мы болтали. Очень скоро я уже заглядывала к нему на чай по выходным. У нас не было каких-то общих интересов, но разговор тек легко. Мистер Хендерсон разливал через ситечко чай по фарфоровым чашкам и резал на толстые куски фруктовый кекс. «Слишком плотный, Джинни делала лучше». Он нечасто ее упоминал, и каждый раз я видела, что ему тяжело. Он уходил в себя, когда я спрашивала о детях, чьи выцветшие школьные фотографии висели в золоченых рамах над газовым камином, отвечая только, что «они живут за границей». Полагаю, меня это устраивало. Я тоже не хотела говорить о родных, кроме Бена.

– Эли, это я, – произносит он, когда я выхожу из машины. Очевидно, Мэтт рассказал ему о случившемся.

– Я знаю. – Выдавливаю улыбку, хотя улыбаться – последнее, чего сейчас хочется.

– У меня отменился прием на одиннадцать.

– Сочувствую.

Медленно двигаюсь к двери, не желая вовлекаться в беседу.

– Что поделаешь, не каждый способен честно признаться в своих эмоциях. Выразить себя бывает тяжело. Вы вернулись? Я скучал, давно мы не болтали о том о сем.

– Нет, только чтобы забрать Бренуэлла.

– Вам лучше бы остаться дома, с этим вашим мужем. Там, где вы сейчас, небезопасно.

– В смысле?

Чувствую, как у меня напрягаются мышцы лица.

– Учитывая, что с вами произошло...

– А что со мной произошло?

Любопытно, что наговорил ему Мэтт?

– Вы... – Он смущенно пинает ногой бордюрный камень. – Вы упали и...

– Простите, мне пора.

За дверью радостно тявкает и подпрыгивает Бренуэлл.

Хорошо, что я еще не наловчилась читать по лицам и не вижу, как задет мистер Хендерсон, когда я бросаю его ради собаки.

Ключ у меня в руке, но Мэтт сам открывает входную дверь, будто я гостья. Бренуэлл танцует вокруг моих ног и лижет руку, словно не видел сто лет. Полагаю, по собачьему летоисчислению так оно и есть. Садясь на корточки у двери, я зарываюсь лицом ему в шею и почесываю живот, а

он упирается передними лапами мне в колени. Это успокаивает. Отсрочивает неприятный разговор. Мэтт уже в кухне, гремит собачьей переноской, собирает миски и игрушки. Не слышно, чтобы включал воду и ставил чайник. Меня здесь не ждут. По-прежнему не ждут. Травма головы стала для меня шоком, точно холодный душ, и заставила многое переоценить. В больнице я всю дорогу мечтала о примирении, но чувства Мэтта, видимо, не изменились. И сейчас, вспоминая, как мы разошлись, я уже не уверена, на самом ли деле мне нужен Мэтт или я просто боюсь одиночества. Все смешалось.

Отношения деградировали несколько месяцев. Мэтт все больше отдалялся. Цветы в пятницу вечером и походы в кино сошли на нет. В доме перевелись «Шоколадные апельсины», которые я прежде находила в самых неожиданных местах: за подушками, в рукаве пальто. *«Просто потому, что я люблю тебя, Эли»*. В выходные он горбился за ноутбуком, с синяками под глазами, молчаливый и раздражительный. Ему все тяжелее давалось свободное плавание в бизнесе, баланс между работой и отдыхом. Если я уговаривала его сделать перерыв, он огрызался, чтобы я его не доставала. То же происходило, когда я упоминала о детях. Мне было больно. В прошлом году мы решили, что все-таки пора завести ребенка, но Мэтт постепенно ко мне охладел. Иногда в тишине ночи я протягивала к нему руку, а он притворялся спящим. Отверженность помахивала хвостом и кормилась моим уни-

жением.

Наш брак медленно разваливался, но я все еще пыталась сшить его нитями терпения, любви и домашней стряпни. Как-то в пятницу Джулс и ее муж Крэйг по обыкновению пришли на ужин. До этого Мэтт обмолвился, что у Крэйга роман на стороне.

– У тебя же никого нет?

Эта мысль возникла спонтанно, и, как ни неприятно, многое бы объяснила.

– Нет.

Одинокое, голое слово. Я бы предпочла, чтобы его обернули в «конечно, нет» или «ты у меня одна».

– Давно знаешь про Крэйга?

Он пожал плечами.

– Несколько месяцев.

– И все это время ты молчал, ничего мне не говорил?!

Известие потрясло меня до глубины души. Как будто передо мной вдруг оказался совершенно незнакомый человек, которому нельзя доверять.

– Я должна сказать Джулс. Она моя лучшая подруга.

– Твой первый долг – перед мужем, – возразил Мэтт. – Ты о бизнесе подумала?

Крэйг был его крупнейшим клиентом. Прежде чем я успела ответить, в дверь позвонили.

Джулс посмотрела на меня красными глазами и, шмыгнув носом, увлекла в кухню.

– Я искала мелочь и нашла в кармане его пальто презервативы. Еще ничего ему не говорила, хотела с тобой посоветоваться. Как думаешь, у него любовница?

Я замялась на перекрестке между правдой и ложью, и моя нерешительность оказалась красноречивее слов. Джулс расплакалась. Я усадила ее за стол и обняла. Протянула большой стакан вина. Ее тело сотрясалось от рыданий. В духовке шипела говядина в слоеном тесте. Я сбивчиво рассказала ей, что знала. Вскоре она объявила Крэйгу, что они оба уходят. Входная дверь хлопнула в урагане ярости; испепеляющий гнев Джулс был так же черен, как тесто, обуглившееся в духовке.

– Как ты могла? – напустился на меня Мэтт. – Лишить меня лучшего клиента!

– Если ты больше беспокоишься о бизнесе, чем о судьбе моей лучшей подруги, ты не тот человек, за которого я выходила замуж! – крикнула я в ответ.

– Может, я не хочу им быть! – проорал он.

– Чего не хочешь? Быть тем человеком или мужем? – Я стояла, уперев руки в бока.

Из духовки поднимались завитки дыма.

– Того и другого!

С тех пор ткань наших отношений обвисла. На месте верности и уважения зияли дыры. Джулс выяснила, что роман Крэйга тянулся почти год, и переехала к Джеймсу, который без возражений собрал свою коллекцию вещей «Звездных

войн» и перебрался в комнату поменьше, предоставив Джулс хозяйскую спальню. Джулс подала на развод; Крэйг, в ярости на меня, прекратил дела с Мэттом и не отвечал на его звонки. Мэтт со мной почти не разговаривал. Было трудно сдерживаться, когда он в очередной раз на мой совершенно обоснованный вопрос односложно что-то рявкал. Я непрерывно успокаивала его, поддерживала, делала все, что положено хорошей жене, но между нами выросла непробиваемая преграда. Я становилась все более несчастной. Крисси в конце концов заявила, что нам с Мэттом не мешает разъехаться, и предложила мне свободную комнату.

– Уеду на время. – Я пристально поглядела на Мэтта, желая, чтобы он прочитал мои мысли и понял: это последнее, чего я хочу, но просто не знаю, что еще предпринять.

– Наверно, так будет лучше, – ответил он, не глядя мне в глаза.

От этих слов мое горло сжал спазм, и я с трудом выдавила:

– Пойду соберу вещи.

Однако даже мне было очевидно, что решимость моя слаба и рухнет, стоит лишь ему попросить меня остаться. Он не попросил. Я молча побрела наверх паковать, стараясь, чтобы гордость не выскользнула из ладоней и не разбилась.

С тех пор прошло четыре месяца. Между нами установилось шаткое статус-кво, мы все еще передавали друг другу Бренуэлла, вместе платили ипотеку, но не говорили по душам. Не знаю, поздно ли склеивать брак. Не знаю даже, с

чего начать.

Иду за Мэттом в кухню, а Бренуэлл цок-цокает когтями по ламинату. Прислоняюсь к столу, на котором когда-то резала овощи к ужину.

– Ты как? – спрашивает Мэтт.

Пусть он выглядит не как мой муж, но от его хриповатого голоса у меня по-прежнему екает сердце. Он встревожен, это слышно по каждому слову.

– Ничего, – говорю я, подразумевая «плохо».

Он прекрасно меня знает и все понимает. Делает шаг вперед, однако нерешительно останавливается. Руки беспомощно висят вдоль тела.

– А ты меня...

По голосу я понимаю, что он пытается встать на мое место. Вообразить, как бы он себя чувствовал, если бы мое лицо казалось ему сейчас совершенно чужим. Качаю головой.

– Но... – Он замолкает.

Хотел сказать «это по-прежнему я».

Чувствую подтекст: «Как ты можешь меня не узнать?» Раздраженно потирает пальцами подбородок. Характерный, такой знакомый мне жест, хотя с тех пор, как он сбрил бороду, прошли годы. Он все еще мне знаком. И это единственное положительное ощущение за последние дни. Внутри поднимается желание уткнуться ему в шею, ощутить его пряный запах. Не все потеряно.

– Что случилось? – спрашивает он.

– Сама не знаю. – Дотрагиваюсь до шишки на голове. – По-моему, я упала.

Я говорю то, что он хочет слышать, во что я сама хочу верить, потому что иной вариант невыносим для нас обоих. Меня изнасиловали. Кто-то, с кем мне вообще не следовало встречаться.

– Я хотел тебя навестить, но, по словам Бена, ты никого не хочешь видеть.

– Да, совсем вымоталась. До сих пор не пришла в себя. У меня больничный на две недели, и врач сказал, что, может быть, еще продлит. Зависит от того, что скажет другой специалист.

Зевота, которую я сдерживала, прорывается наружу.

– Как жаль. Вид у тебя совсем разбитый. Пойду кину вещи в машину и отпущу тебя домой.

Слово «дом» пронзает меня насквозь, и я хватаюсь за живот, точно там рана. Хочется сказать: дом – это здесь, с тобой. Однако слова на языке – сухие, как пыль. Я открываю кран и наливаю стакан воды, а когда поворачиваюсь, Мэтта уже нет.

Еще несколько секунд себя жалею, а потом иду следом. Стоя на ступеньке, просматриваю пачку писем, которую он сунул мне в руку, прежде чем потащить в багажник собачью переноску. Мистер Хендерсон оперся руками о мусорный бак и наблюдает. Хоть кто-то будет по мне скучать. Мэтт протискивается мимо, чтобы собрать игрушки Бренуэлла, и

на мгновение наши тела соприкасаются. Он замирает на долю секунды, и эта пауза показывает мне, что эмоции, окутавшие нас, не только мои. Я застываю в надежде, желании, птица в клетке груди рвется наружу, но Мэтт молча собирает вещи Бренуэлла и опять идет к машине, а я стою в коридоре дома, который когда-то считала своим.

Крышка багажника хлопает, я понимаю, надо ехать, но не спешу: медленно сажусь в машину, ищу ключи, пристегиваюсь. Когда больше делать уже нечего, завожу мотор, и Мэтт, шлепнув рукой по багажнику, говорит:

– Береги себя.

Я разочарованно трогаюсь.

Расстояние между нами растет, связывающая нас нить растягивается. Я знаю, она будет тянуться, тянуться и однажды порвется. Хотя чего я ждала, когда приехала сюда в синяках, напуганная и жаждущая утешения? Надеялась на понимание, сочувствие? Да. И любовь. Я надеялась на любовь. Слезы прорываются наружу, я тянусь в бардачок за салфеткой. В нем – шоколадный апельсин. *«Просто потому, что я люблю тебя, Эли»*. Велю себе ничего не домысливать. Это жест жалости или дружбы. Не стоит принимать его за маяк надежды. Но почему-то кажется именно так.

Поездка промелькнула как один миг, и когда пикает телефон, я уже почти дома. Видимо, я выронила его в машине. Большое облегчение – не придется покупать новый. Минус

одно дело на сегодня.

Хочется скорее просмотреть накопившиеся сообщения, нога давит на газ, машина мчится, сливаются краски. Взвизгнув тормозами, останавливаюсь около дома. Припарковалась криво, ну и ладно. Глушу мотор. Шарю рукой под сиденьем в поисках телефона и обнаруживаю клатч, с которым ходила в субботу на свидание.

Нажимаю кнопку главного меню, экран загорается. Батарея разряжена до шести процентов. Накопилась куча уведомлений, но привлекает внимание самое последнее. Читаю и чувствую, что в сердце кольнул страх. «Инстаграм». Комментарий к моей фотографии, хотя я сто лет ничего там не размещала.

Что за хрень ты затеяла, Эли?

Глава 12

Бренуэлл побегал в саду и теперь вновь изучает гостиную, тычась подергивающимся носом в каждый закуток. Я ставлю телефон на зарядку, открываю «Инстаграм» и рассматриваю странное фото, не обращая внимания на сообщения, в которых спрашивается, что я затеяла. Загружено рано утром в воскресенье. Предположительно, мной. Темное и зернистое, абсолютно не похожее на снимки солнечных субботних завтраков и осенних теней на прогулке с собакой, что я постила раньше. В самом углу фото – я с Мэттом, улыбаемся в телефон, который держим на вытянутой руке. Проматывая вниз, не нахожу больше ничего нового. Бесконечные снимки хамелеонового моря: то серого и сердитого, со сбившимися в кучу мятежными облаками, то синего и сверкающего под ясным голубым небом. Мой любимый, пожалуй, тот, где Мэтт нацарапал на мокром песке палкой, которую нашел Бренуэлл:

Я люблю Эли

Пришлось чуть отойти по темным шуршащим водорослям, чтобы лучше разглядеть эти слова. Ветер трепал мне волосы, от соленой воды щипало глаза. Бренуэлл лаял на ревущие волны и носился на мокрых лапах взад-вперед. Рука Мэтта лежала у меня на талии, моя голова – у него на плече.

Я чувствовала себя абсолютно любимой. Абсолютно удовлетворенной. Лучше дня и не придумаешь. Не могу заставить себя удалить аккаунт, но смотреть на старые снимки очень больно, и поэтому с трудом верится, что я выложила еще одно фото. Дважды кликаю и хмурюсь, глядя, как оно разворачивается на весь экран.

Смотреть особенно не на что. На переднем плане что-то серое, переходящее в полную черноту. Справа – прямоугольник, который резко контрастирует с остальным. Надо мной что-то зловеще нависает. Подношу телефон к глазам. Помогите, здание. Что там внутри? Или кто? В животе покалывает страх, проблеск воспоминания. Я ли это фотографировала? И почему выложила с такой загадочной надписью?

Темной ночью творятся темные дела

Неудивительно, что людям любопытно. Отчаянно желая получить разъяснение, звоню Крисси. «Извините, занята – быть феерически классной ужасно утомительно! Вы знаете, что делать». Пытаюсь оставить сообщение, но слышу в ответ, что голосовая почта переполнена. Набираю эсэмэс:

Я нашла свой телефон! Как ты? Все хорошо? Ты сейчас где?

Раздраженная неудачной попыткой, открываю «Фейсбук» и, не обращая внимания на уведомления, ищу Крисси – может, она выложила что-нибудь, что приведет меня к ней. Страница загружается, и я замечаю новую заставку. Раньше

это был снимок с барбекю в честь дня рождения Джулс, на котором Джеймс в фартуке с изображением чулок и подвязок на заднем плане переворачивал гамбургеры. На новой заставке красивыми розовыми буквами написано «*Выбираю любовь, а не ненависть*». Недовольно морщусь, гадая, кого Джулс любит на этой неделе, а потом вдруг вижу на странице кнопку, от которой внутри что-то обрывается.

Добавить в друзья.

Мы ведь с ней уже друзья... А согласно «Фейсбуку» – нет. Мотаю вниз. Большинство постов недоступны, но самый последний сделан примерно в то же время, что и мое фото в «Инстаграм». Изображение темного беспокойного моря и цитата:

Незачем пересекать океан ради человека, который для тебя не перешагнет и через лужу.

Откидываюсь назад как от удара и перевожу дух. Почему она удалила меня из друзей? Или это я ее удалила? Что произошло в ту ночь? От вопросов материализуется воспоминание: крики, плач. Не могу сказать, я ли кричу или на меня. Так же быстро, как и пришло, воспоминание тает, и я опять тупо смотрю на кнопку «добавить в друзья». Кликаю по ней большим пальцем, и она меняется на «запрос отправлен». Поспешно выхожу из «Фейсбука». «Кто над чайником стоит, у того он не кипит», – говорила мама.

Открываю «Наизнанку», то самое приложение знакомств.

Перехожу в личные сообщения.

Юэн.

При виде его имени опять вспыхивает воспоминание. Громкая музыка. Удушливый запах лосьона после бритья, от которого першит в горле. Ко мне наклоняется мужчина. Зеленый твидовый пиджак. Наши ноги соприкасаются. Свет мигает. Встаю. *Я к этому не готова.* Неприятный узел в животе. Зал кружится в красных, желтых и зеленых огнях, расплывается и пропадает... И вот я снова в гостиной, хватаюсь за диван так, будто, если отпущу, меня унесет стремительным потоком.

Взгляд натывается на фото мамы. Она не знает, что ее снимают, склонилась над тортом по случаю моего дня рождения, украшает его сиреневой глазурью. Рядом на столе – двенадцать розово-белых витых свечек. Тогда мама, наверно, в последний раз была по-настоящему счастлива. Теперь они на вес золота – обычные мгновения, которые мы принимаем как должное. Мой последний торт. После того дня я их не выносила. Достаточно запаха бисквита «Виктория» в духовке, и я одним махом возвращаюсь в прошлое. Перевернутый стол. Серебристая надпись «С днем рождения», треснувшая под тяжелыми ботинками, крики, шок. Жизнь изодрана в клочья, как легкая сиреневая ткань, которой был накрыт стол, когда они ворвались и всему пришел конец.

Просматриваю переписку с Юэном и даже сейчас, в ретроспективе, не нахожу ничего подозрительного.

Он кажется нормальным. Обычным.

Я редко рассказываю, что люблю рыбалку. Подумают, я очень скучный. Но она успокаивает, умиротворяет. Дает вздохнуть полной грудью, проветрить мысли.

Сентиментальный! – ответила я.

Если это поможет уговорить тебя на свидание, хочешь, притворюсь, что увлекаюсь регби?...

Я сунула телефон в карман, как будто спрятала секрет, снова избегая его вопроса. Я определенно не хотела ни на какое свидание, однако маленькая глупая частица меня была польщена вниманием. По следующему сообщению чувствуется, что Юэн уловил мою нерешительность.

Если хочешь, чтобы я оставил тебя в покое, я так и сделаю. Но ты мне нравишься, Эли, и я хочу пригласить тебя поболтать по-дружески, пропустить стаканчик. Безо всякого продолжения, я не давя. Обещаю, я не убийца с топором.

А был бы убийцей, ты бы так и сказал?

Но испугало меня не то, какой он, а то, какая я.

Я повернула на безымянном пальце золотое кольцо. Может, мы с Мэттом легко сдались? Я чувствовала себя беспомощной, растерянной и отчаянно жаждала ясности. Если есть хоть малейший шанс спасти брак, разве не стоит попытаться?

Помню, совсем запутавшись, я прыгнула в машину и медленно поехала по городу, пробуксовывая на гололеде. Наш дом был погружен во тьму. Иней прочертил узоры на дорожке, снег припорошил пихты. Я резко постучала в парадную дверь, кляня себя за то, что не захватила ключ, а потом, шурша заиндевевшей травой под ногами, направилась по газону к черному ходу. В темной кухне светились красным часы на духовке. Притопывая окоченевшими ногами, я позвонила Мэтту на мобильный.

– Алло!

По крайней мере, ответил на звонок.

– Надо поговорить, – выпалила я.

Изо рта в студеном воздухе поднимался пар.

– Неудачное время, Эли. У меня сейчас ужин сгорит.

– Ты готовишь? Дома?

– В микроволновке.

Солгал. Опять солгал.

– У тебя что-то важное?

Хотелось ответить: «Да, важное. Я – важна». Однако я ничего не сказала. Даже не попрощалась.

Подойдя к машине, обнаружила, что мистер Хендерсон льет на ветровое стекло теплую воду.

– Уже оледенело... Так и думал, что вы скоро вернетесь. Мэтта нет дома.

– Не знаете, где он?

– Нет, простите... – Мистер Хендерсон замялся, взвешивая, стоит ли продолжать. – Он редко здесь ночует.

Эта новость была как удар под дых. Я понятия не имела, где пропадает мой муж. *Или с кем.*

– Не говорите ему, пожалуйста, что я приезжала.

– Разумеется. – Мистер Хендерсон вытер влажную руку о вельветовые брюки. – Я умею хранить секреты.

Я чмокнула его в щеку и уехала. Мой дом в зеркале заднего вида становился все меньше, и когда темнота совершенно его поглотила, полились слезы. Я заглушила мотор, уронила голову на руль и дала волю горю и разочарованию. Когда эмоции схлынули, стянула с пальца обручальное кольцо, на котором была выгравирована незабвенная строка из «Филина и Киски»:

*– О Свин разлюбезный, – просили они, —
Продай нам колечко свое!*

На что променял меня Мэтт? *Накого?* Я кинула кольцо в бардачок, достала телефон и написала одно слово.

Свинья.

Передумала отправлять. Послала совершенно другое. Другому.

Да.

Не знаю, согласилась ли я на свидание с Юэном из-за зло-

сти на Мэтта, одиночества, которое пульсировало в сердце, или оттого, что он искренне мне нравился. Сразу пришел ответ:

Фантастика! Я приворожил тебя своим обаянием?

Шмыгая носом, я пошутила:

Да, и еще отсутствием топора.

Теперь не смешно. Юэн может снова на кого-нибудь напасть. Кликаю кнопку «написать сообщение» и обнаруживаю, что Юэн больше не активен. Быстрый поиск подтверждает: его профиль удален. Падаю духом. Теперь его не вычислить. Может, заявить в полицию, и пусть сами разбираются? Совесть нашептывает мне поступить как должно.

В воздухе разлита прохлада. Я стягиваю со спинки дивана клетчатое желто-розовое, как бисквитный торт, одеяло, и накрываю ноги. Это одеяло – одна из немногих вещей, сохранившихся с детства. Как-то после школы я вытащила из темно-синего ранца смятое письмо и протянула его маме. Учительница просила связать дома квадратные лоскутки. А мы с ней потом их сошьем, и получатся одеяла, на благотворительные цели.

– Сейчас найду спицы и быстро что-нибудь соображу.

– Научи меня!

Мы поужинали сардельками под холмиком картошки-пюре, у подножья которого плескался, переливаясь через край, ров с тушеной фасолью, и сели бок о бок в скрипучие пле-

тенные кресла в оранжерее, которую папа назвал «пристройкой». Ветер яростно бился в стену из оргстекла.

– Джастин, ты моешь посуду! – крикнула она папе, пока я вынимала из корзины для вязания клубки ниток, выбирая цвета любимого жевательного мармелада: желтый, оранжевый и зеленый.

Мама набрала петли и передала мне длинные неудобные спицы. Она терпеливо повторяла «продеть, накинуть, протянуть, снять», пока за первым рядом не последовал второй, а потом и третий. Мы сосали леденцы, поддевая спицами нитку. Колени были укрыты вязаными пледами, за окном бушевало ненастье, яблоня в саду перегибалась почти пополам. Яблоки, точно камни, со стуком падали в соседский сад. Утром наша соседка будет зашвыривать их обратно нам на газон и кричать, что давно пора спилить эту чертову яблоню. Как-то она попала Бену в лицо, и через забор в обе стороны полетели оскорбления, точно мячи на теннисном турнире; после того случая мама и папа больше с ней не разговаривали. Однако в тот вечер, несмотря на эту вражду, я чувствовала себя абсолютно счастливой. Воображение рисовало вязанные моими руками платья, шарфы, такие длинные, что можно трижды обмотать шею. Бен лежал в кровати, прижимая к груди совенка Олли, а из радио на кухне, где папа мыл чашки, доносилась «Sweet Talking Woman» группы «Electric Light Orchestra». Приглушенный плеск воды. Ритмичное постукивание маминых спиц, которые едва можно было разли-

чить – так быстро двигались ее пальцы. Она вязала уже третий лоскуток.

– Ох, – я проглотила разочарование вместе с леденцом. – Мам, посмотри на мой квадратик!

Назвать это квадратом было и слишком оптимистично, и математически некорректно. Он уплотнялся и скашивался в узкую полоску. Я все сильнее натягивала шерстяную нить, боясь потерять петлю. Боясь, что все распухнет.

– Не волнуйся. Поверь, что сумеешь, – посоветовала мама, и я попробовала опять, но не волноваться и верить не выходило.

Именно так я чувствую себя сейчас, прижимая к груди секреты, точно клубок ниток. Ужасно боюсь, что все распухнет и раскроется. И хотя я отчаянно жажду надеяться на лучшее, я знаю, что верить себе у меня нет оснований. Я этой веры не заслуживаю.

– Карма! – заявила наша противная соседка, когда все это случилось.

Тогда я не поняла ее слов. Теперь понимаю. *Темной ночью творятся темные дела.* Расплата. Как ни старайся, от содеянного не скроешься. Я опутана собственной ложью и где-то когда-то спустила петлю. Что посеешь, то и пожнешь, верно? *Понравилось свидание, сука?* Я боюсь, что это рука провидения, и винить мне, кроме себя, некого. Страшась будущего, я странным образом одновременно жажду кары, ибо как бы ни ненавидел меня этот неизвестный, больше всех ненавижу

себя я сама.

По-прежнему холодно. Тянусь рукой через спинку дивана и прижимаю ладонь к батарее. Горячо. Откуда-то определенно тянет сквозняком, холодная струя змеей обвивает лодыжки и леденит пальцы ног. Я отрываю усталое тело от дивана. Ноет каждая мышца. Надо, наверно, залезть в горячую ванну. Бросить туда бомбочку, которые любит Крисси, – они шипят в воде и окрашивают ее в желтый цвет, наполняя дом бодрящим цитрусовым ароматом. Мои мысли внезапно прерывает хлопок. Бренуэлл ставит уши торчком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.